

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1 (152) 2023

Наследие «Сравнительного конституционного обозрения» за 30 лет

Возможна ли модернизация в России?

**В «серой зоне» международного права:
самоопределение в виде сецессии**

Россия: на конституционном поле без перемен

**Право и политика: что произошло
с конституционными и уставными судами России?**

**Вопрос в никуда: как досудебное соглашение
позволяет не отвечать на вопросы защиты**

Современные исследования конституционных изменений

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1 (152) 2023

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель
О. Б. Сидорович

Издатель
ООО «Центр конституционных исследований»

Редационный совет

А. С. АВТОНОМОВ (Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова)
А. БЛАНКЕНАГЕЛЬ, сопредседатель (Университет им. Гумбольдта, Германия)
Н. А. БОГДАНОВА (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
А. Е. ВАШКЕВИЧ (Европейский гуманитарный университет, Литва)
Е. В. ГРИЦЕНКО (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. П. КЕНЕНОВА (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
А. И. КОВЛЕР (Институт законодательства и сравнительного правоведения)
М. А. КРАСНОВ (НИУ «Высшая школа экономики»)
В. И. ЛАФИТСКИЙ (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина)
А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, сопредседатель (НИУ «Высшая школа экономики»)
Р. УИТЦ (Центрально-Европейский университет, Венгрия)
С. ХОЛМС (Нью-Йоркской университет, США)
И. Г. ШАБЛИНСКИЙ (НИУ «Высшая школа экономики»)
А. ШАЙО (Центрально-Европейский университет, Венгрия)

Редакционная коллегия

И. А. АЛЕБАСТРОВА (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
А. П. ЕВСЕЕВ (НИУ «Высшая школа экономики»)
С. С. ЗАКИН (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина)
И. А. КРАВЕЦ (Новосибирский государственный университет)
О. Н. КРЯЖКОВА (Российский государственный университет правосудия)
Б. НОБЛ (Университетский колледж Лондона, Великобритания)
У. ПАРТЛЕТТ (Университет Мельбурна, Австралия)
Д. МИЛОВ (Софийский университет, Болгария)
С. А. ТЮЛКИНА (Университет Нового Южного Уэльса, Австралия)
Т. М. ХРАМОВА (НИУ «Высшая школа экономики»)
П. ЧЕСТИ (Колледж Св. Антония, Оксфордский Университет, Великобритания)
А. М. ЧИРНИНОВ (Институт философии и права УрО РАН)

Главный редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ (ООО «Центр конституционных исследований»)

Заместители главного редактора

А. Г. РУМЯНЦЕВ (независимый юрист-исследователь)
А. А. ТРОИЦКАЯ (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Редакторы

С. Д. Афанасьев
М. Сидорович
С. Ф. Успенская
С. С. Явкин

Корректоры

Т. Сейгер (англ.)
М. Сидорович
С. Ф. Успенская

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-82339 от 23 ноября 2021 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 300 экз. Периодичность — 6 номеров в год. Цена свободная.

Подписной индекс (Каталог «Почта России») — ПН962.

Дата выхода в свет: 28 февраля 2023 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35. Эл. почта: info@sko-journal.ru

Адрес издателя (фактический): 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Отпечатано в ООО «Объединенный полиграфический комплекс» г. Москва, Деревенская наб., д. 7с2; info@orp.bz; +7 (499) 130-60-19.

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Переписка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© ООО «Центр конституционных исследований», 2023

МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОСТЕЙ

ДЕКАБРЬ • 2022 — ЯНВАРЬ • 2023

4

Германия, Россия, Словакия, США, Тунис, Турция,
Фарерские острова, Чехия, Южная Корея

ОТ РЕДАКЦИИ: 30 ЛЕТ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

«СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ»:
ЖУРНАЛ НА ФОНЕ БЫСТРО ТЕКУЩЕГО ВРЕМЕНИ

13

Андрей Медушевский

ФЕДЕРАЛИЗМ: ПРОЕКТИРУЯ БУДУЩЕЕ

ФЕДЕРАЦИЯ VS ИМПЕРИЯ, ИЛИ КАК ВЫПРЫГНУТЬ ИЗ «КОЛЕИ»

48

Михаил Краснов

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВ
И ПРАВО НА ЗАЩИТНУЮ СЕЦЕССИЮ

72

Алексей Исполинов

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

95

Питер Г. Соломон-мл.

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД В 2022 ГОДУ:
ПОД ЗНАКОМ СТАБИЛЬНОСТИ

113

Ольга Кряжкова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И УСТАВНЫЕ СУДЫ
В СУБЪЕКТАХ РОССИИ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПОЛИТИКОЙ:
ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

128

Анна Захарова

РЕЦЕНЗИЯ

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: НОВАЯ ГРАНЬ
СРАВНИТЕЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

146

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

ROUTLEDGE HANDBOOK OF COMPARATIVE CONSTITUTIONAL CHANGE /
ED. BY X. CONTIADES, A. FOTIADOU. LONDON : ROUTLEDGE, 2020

Мариус ван Штаден, Елена Гладун

PRAXIS

«МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО?»: КОНСТИТУЦИОННОСТЬ
ОТКАЗА ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, ОТВЕЧАТЬ НА ВОПРОСЫ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ

172

Алдар Чирнинов

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

ОБЗОР ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

181

№ 42-П – 51-П • 2022

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL REVIEW

1 (152) • 2023

Founder

O. Sidorovich

Publisher

Center for Constitutional Studies Ltd.

Editorial Advisory Board

A. AVTONOMOV (Griboedov Institute of International Law and Economics)

A. BLANKENAGEL, Co-Chairman (Humboldt University, Germany)

N. BOGDANOVA (Lomonosov Moscow State University)

E. GRITSENKO (Saint Petersburg State University)

S. HOLMES (New York University, USA)

I. KENENOVA (Lomonosov Moscow State University)

A. KOVLER (Institute of Legislation and Comparative Law)

M. KRASNOV (Higher School of Economics)

V. LAFITSKY (Kutafin Moscow State Law University)

A. MEDUSHEVSKY, Co-Chairman (Higher School of Economics)

A. SAJÓ (Central European University, Hungary)

I. SHABLINSKY (Higher School of Economics)

R. UITZ (Central European University, Hungary)

A. VASHKEVICH (European Humanities University, Lithuania)

Editorial Board

I. ALEBASTROVA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

P. CHAISTY (St. Antony's College in the University of Oxford, UK)

A. CHIRNINOV (Institute of Philosophy and Law, UB RAS)

A. EVSEEV (Higher School of Economics)

T. KHRAMOVA (Higher School of Economics)

I. KRAVETS (Novosibirsk State University)

O. KRYAZHKOVA (Russian State University of Justice)

B. NOBLE (University College London, UK)

W. PARTLETT (Melbourne Law School, Australia)

D. SMILOV (Sofia University, Bulgaria)

S. TYULKINA (University of New South Wales, Australia)

S. ZAIKIN (Kutafin Moscow State Law University)

Editor-in-Chief

O. SIDOROVICH (Center for Constitutional Studies Ltd.)

Co-Editors-in-Chief

A. RUMYANTSEV (Independent Legal Researcher)

A. TROITSKAYA (Lomonosov Moscow State University)

Proofreaders

S. AFANASIEV

A. SAGER (eng.)

M. SIDOROVICH

S. USPENSKAYA

S. YAVKIN

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation

Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35

E-mail: info@sko-journal.ru

https://sko-journal.ru/

© Center for Constitutional Studies Ltd., 2023

CONSTITUTIONAL WATCH

DECEMBER • 2022 — JANUARY • 2023

4

Czech Republic, Faroe Islands, Germany, Russia,
Slovakia, South Korea, Tunisia, Turkey, USA**EDITORIAL: 30 YEARS OF DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONALISM**“COMPARATIVE CONSTITUTIONAL REVIEW”:
THE JOURNAL AMID THE CURRENT OF STREAMING TIME

13

Andrey Medushevsky

FEDERALISM: DESIGNING THE FUTURE

FEDERATION VS THE EMPIRE, OR HOW TO JUMP OUT OF THE “RUT”

48

Mikhail Krasnov

POINT OF VIEWTHE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY OF STATES
AND THE RIGHT TO A PROTECTIVE SECESSION

72

Alexey Ispolinov

JUDICIAL POWER

THE WINDING PATH OF JUDICIAL REFORM IN MODERN RUSSIA

95

Peter H. Solomon, Jr.

THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT IN 2022:
UNDER THE SIGN OF STABILITY

113

Olga Kryazhkova

CONSTITUTIONAL AND STATUTORY COURTS OF THE SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION: BETWEEN LAW AND POLITICS

128

Anna Zakharova

BOOK REVIEWCONSTITUTIONAL CHANGE: A NEW FACET
OF COMPARATIVE CONSTITUTIONAL LAW

146

BOOK REVIEW

ROUTLEDGE HANDBOOK OF COMPARATIVE CONSTITUTIONAL CHANGE /

ED. BY X. CONTIADES, A. FOTIADOU. LONDON : ROUTLEDGE, 2020

Marius van Staden, Elena Gladun

PRAXIS“IS SILENCE GOLDEN?”: THE CONSTITUTIONALITY
OF THE REFUSAL OF A PERSON WHO HAS ENTERED
INTO A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT
TO ANSWER QUESTIONS FROM THE DEFENSE

172

Aldar Chirninov

IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURTREVIEW OF LEGAL REASONING
IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT JUDGMENTS

181

NOS. 42-P – 51-P • 2022

ОТ РЕДАКЦИИ: 30 ЛЕТ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

«Сравнительное конституционное обозрение»: журнал на фоне быстро текущего времени

Андрей Медушевский*

Статья суммирует основные факты о роли, развитии и достижениях российского научного журнала со времени его создания и до его 30-летнего юбилея в 2023 году. Вступив в жизнь в период перехода от коммунистической диктатуры к демократии в Восточной Европе и России, журнал объявил свою миссию — продвижение правового государства и гражданского общества на постсоциалистическом пространстве. Исполнение этой миссии включало информирование академического сообщества о трансформирующихся теоретических основаниях сравнительных правовых исследований, новых практических требованиях к конституционной инженерии, анализ меняющейся политической повестки в соответствующих странах и, не в последнюю очередь, создание представительного пула международных экспертов, способных оценить данные тенденции с позиций ценностно беспристрастного доказательного подхода. В процессе своего развития журнал прошёл три основных этапа — формирование (1993–2003), критическое переосмысление (2004–2013) и синтез (с 2014 года по настоящее время). Данные этапы отражают также и цикличную динамику конституционализма — от эры либерального триумфа к консервативному пересмотру и от него к текущей стадии кризиса глобализации в форме правовой фрагментации, популизма и вновь обрётённого правового национализма. Противостоя этим тенденциям, журнал представил публикации по многим вопросам современного конституционализма. Среди них — глобальная и постсоветская правовая трансформация, конституционная идеология, реформы и контрреформы, стандарты прав человека и их правовая интерпретация, парламентская демократия, федерализм и регионализм, выборы и система политических партий, модальности разделения властей, центральная и местная администрация, сравнительное конституционное правосудие и многие другие. В фокусе внимания журнала находилось российское конституционное устройство. Объектами анализа стали его основание, развитие и противоречие с позиций типологии и оригинальных характеристик, институциональная проекция, вклад конституционных реформ, формальные и неформальные практики, а также судебная интерпретация в динамике решений Конституционного Суда России. Представляя эти тенденции в академической дискуссии, журнал выполнял не только роль простого летописца, но и активного участника конституционной трансформации, выдвигая многочисленные проекты реформ, правовых поправок и экспертных рекомендаций.

DOI: 10.21128/1812-7126-2023-1-13-47

→ *Конституционализм; правовое государство; сравнительные правовые исследования; постсоветский конституционализм; российская Конституция; конституционная юриспруденция; академическое сообщество*

* Медушевский Андрей Николаевич — сопредседатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение»; доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

1. Введение

Проследившая развитие крупного научно-исследовательского проекта, целесообразно было бы задаться следующими вопросами: почему он возник и существует длительное время; каков его изначальный замысел и как этот замысел развивался и менялся с течением времени; каков реальный общественный вклад данного издания в научную мысль и социальную практику; удалось ли ему сформировать новое направление научных исследований и создать группу единомышленников в понимании определённого круга социальных явлений; был этот вклад позитивным или негативным, и в целом какова может быть его ретроспективная оценка? Наряду с этим применительно к крупным журналам задают обычно и ряд других специфических вопросов: в чём состоит их миссия, каков состав авторов и читателей, какова степень распространения журнала, а в конечном счёте — следует ли его читать и писать для него?

Из всего многообразия научных и общественно-политических изданий позитивный ответ на все эти вопросы может быть дан в очень ограниченном круге случаев. Если не рассматривать здесь классические журналы прошлого (действовавшие в принципиально иной культурной и информационной ситуации), то придётся признать, что в новейшее время (под ним понимается постсоветский период) большая часть журналов, регулярно издаваемых академическими структурами или разными другими ведомствами, тяготеет к формализму и академической рутине, то есть к ситуации, в рамках которой формальные требования (усиленные наукометрическими показателями) явно перевешивают содержательную новизну материалов, а иногда просто убивают её. Напротив, те издания, которые предпринимаются исключительно по инициативе определённых заинтересованных групп или активистов, часто эфемерны — они могут быть чрезвычайно интересны, но имеют короткий век, ограниченную аудиторию и редко переживают десятилетие с момента своего создания. В связи с этим существует очень небольшой круг периодических изданий, к которым имеет смысл систематически обращаться из простого интереса, человеческого и профессионального, и читая которые хочется вступить в содержательный диалог и полемику с их авторами, взвесить противоположные аргументы, следить за продвижением научной мысли по острым вопросам современной повестки дня.

Журнал «Сравнительное конституционное обозрение» (сокращённо — СКО), безусловно, принадлежит к числу именно таких изданий, отмеченных судьбой и подрывающих традиционные шаблоны академической рутины, оставаясь при этом академическим изданием высшей пробы. Это, несомненно, издание, имеющее своё «лицо и характер», своё «направление», или «журнал с тенденцией», как сказали бы в XIX веке. К этому заключению я пришёл не только на основе длительного опыта взаимодействия с данным журналом в качестве автора, рецензента, члена редколлегии и т. д. на протяжении нескольких десятков лет (а я сотрудничал со многими другими журналами и даже возглавлял некоторые), но прежде всего на основе анализа эмоциональной реакции многих представителей научного сообщества, причём не только вполне состоявшихся учёных и профессоров, но и политиков, судей, чиновников, студентов. Даже те из них, кто не разделял позицию журнала или отдельных его авторов, вынуждены были (иногда не вслух) признать чёткость постановки проблем, профессионализм аргументации, выраженность собственной позиции и её право на существование в научной полемике. Журнал никого не оставлял равнодушным — он раскалывал читающую аудиторию, заставляя формулировать собственную позицию по острым вопросам права, политики, государственного управления и образования. В то же время на его основе формировалась та альтернативная научная и образовательная повестка, которую не могли игнорировать университеты,

лекторы и авторы учебных пособий. Общая преемственность издательской политики не в последнюю очередь объясняется институциональными параметрами — главным редактором журнала на всём протяжении его существования с 1993 года является Ольга Борисовна Сидорович, обеспечившая научное взаимодействие с авторами и организацию редакционных процессов, а в состав интернациональной редколлегии, несмотря на его изменения, входят люди, разделяющие ценности конституционализма и имеющие высокий профессиональный статус в науке конституционного права. С момента создания журнала сформировалось ядро признанных учёных и судей — российских (Т. Морщакова, Ю. Батулин, Г. Гаджиев, А. Ковлер, М. Краснов и др.) и иностранных (А. Бланкенегель, А. Нуссбергер, А. Шайо и др.), которые прекрасно способны соотнести сложные вопросы современности с опытом их решения на предшествующих этапах эволюции российской государственности.

Если признать, что к своему 30-летнему юбилею в 2023 году журнал добился успеха в выполнении сформулированной миссии (а я думаю, что это именно так), то имеет смысл обсудить и причины этого успеха — общий замысел данного научно-издательского проекта, этапы его развития и преемственности, а также проследить, как и почему менялась проблематика публикаций на разных этапах деятельности, оценить вклад в научную и общественную жизнь, сформулировать выводы и идеи на будущее.

2. Смысл и значение журнала в научной и общественно-политической ситуации XX — начала XXI века

Смысл журнала «Сравнительное конституционное обозрение», как всякого другого крупного научно-издательского проекта, определяется временем (историческим периодом), местом (центром сбора информации) и мотивами (намерениями и целями) разработчиков проекта.

Время — категория, выражающая способность нашего сознания конструировать реальность и упорядочивать изменения в окружающем пространстве. В соответствии с тем, какой масштаб задаётся для выполнения этой задачи, возникают различные понятия — мировое (эталонное, по Гринвичу) и местное время, точное и неточное время, прошедшее, настоящее и будущее, а измерение времени в разных осях социальных координат добавляет к этим физическим константам те, которые окрашены социальным и индивидуальным восприятием, такие, например, как синхронное и асинхронное понимание событий, представление о хронологической преемственности событий или их разрыве в результате социальных переворотов и смены ценностных приоритетов. Эта особенность социального восприятия времени делает его, наряду с пространством, важнейшей категорией для определения отправной «точки сборки» тех или иных инноваций, реконструкции их смысла и логики развития в исторических процессах.

В истории Европы и мира период конца XX — начала XXI века характеризуется рядом важнейших сдвигов — конец холодной войны, крушение СССР и создание Европейского Союза, развитие тенденции к глобализации мировых процессов (экономических, социальных и правовых). Однако одновременно происходит и формирование новых вызовов в виде эрозии идентичности, глобального террора и информационного манипулирования. Для разных регионов мира следствия этих процессов были неодинаковы, но везде они характеризовались как поворотный момент в истории национальных государств, заставляя их пересмотреть своё место в быстро меняющемся мире. Особенно динамичными были эти изменения в тех регионах мира, которые длительное время находились вне общемирового культурного и социального контекста, должны были бы-

стро адаптироваться к глобальным изменениям, модернизировать свои правовые системы, институты, научные и образовательные стандарты. В России развитие этой трансформации представлено большим постсоветским циклом, начало которого связано с крушением коммунизма в конце 1980-х годов и принятием Конституции 1993 года, а завершение — тридцать лет спустя — приходится на текущий период.

Кроме того, логика социального конструирования может различаться в зависимости от пространства, то есть от географических рамок данных процессов, ментальной географии, от социальных и идеологических представлений определённого региона и эпохи, от меняющегося понимания смысла и значения предшествующих событий последующими поколениями. Особенно важно это наблюдение при изучении правовых норм — в идеале они универсальны, прочны и незыблемы, однако их смысл и ценностная интерпретация могут трансформироваться в пространстве и времени. Из признания этого факта неустойчивости и субъективности восприятия права в социальном контексте обычно делают диаметрально противоположные выводы. Для одних это подтверждает старое библейское изречение «всё проходит», для других, напротив, является вызовом «ничто не проходит без следа», в рамках которого можно доказательно реконструировать смысл событий на основании исторических источников — произведений предшествующего времени, задав им вопросы, которые волнуют нас сегодня. Именно этот второй подход мы примем для определения смысла и значения журнала «Сравнительное конституционное обозрение», рассматривая его место в мировом, европейском и российском процессе общественного развития конца XX — начала XXI века.

Эпоха открытости миру, начавшаяся в России, Восточной Европе и новых постсоветских государствах, впервые обретших суверенитет с крушением однопартийного режима СССР, имела два важных следствия для молодых интеллектуалов, стоявших у истоков журнала. С одной стороны, она породила чувство лёгкости и эйфории — представление о возможности быстрого перехода к либеральной демократии, создания правового государства и реализации всего блока прав и свобод человека с падением неподвижных диктатур советского типа. Казалось, для этого достаточно принять в готовом виде общечеловеческие ценности, выработанные западной цивилизацией и реализовать их на практике. С другой стороны, очень быстро стал понятен завышенный характер подобных ожиданий, становившийся всё более ясным по мере осознания трудностей на этом пути, противоречий и возвратных движений, а также новых непредвиденных проблем данной трансформации, которые стали очевидны сегодня, тридцать лет спустя.

Главная из них, как стало ясно позднее, заключалась в амбивалентных следствиях процесса глобализации, включавших как интеграционный потенциал (более ощутимый в начале её продвижения), так и выраженное стремление к фрагментации мировых регионов (более чётко представленное сегодня). Это стимулировало возврат к традиции, её реальным или мнимым истокам, а следствиями стали консервативный популизм, национализм, поиск национальной идентичности — тенденции, завершившиеся сегодня признанием исчерпанности «посткоммунистического проекта» и заставившие искать альтернативы ему. Стало ясно, что обращение к классическим западным ценностям либерализма в конце 1990-х годов происходило в условиях, когда сам Запад становился другим и уже не представлял собой столь единую конструкцию, какой он был даже в период холодной войны, не говоря об эпохе классического либерализма. Возможно, эта асинхронность в восприятии либеральных ценностей в странах исторического Запада и Восточной Европы стала выражением различия когнитивных установок, системы ожиданий и представлений о сроках их реализации, которые всё больше расходились во времени и пространстве. С тех пор изменилось многое — эмоции, ментальная география,

система представлений, даже язык конституционализма. Наконец, сами молодые интеллектуалы, сильно постаревшие с того времени, обрели, подобно королевским мушкетёрам, способность хладнокровно оценить значение предпринятого эксперимента — десять, двадцать и тридцать лет спустя.

В 1990-е годы эти вопросы не могли быть поставлены столь чётко, но, пожалуй, осознавались на уровне интуиции. Всё это требовало осмысления, совмещающего ряд задач — критического анализа текущих правовых изменений, выяснения их значения для России и всего постсоветского региона, а также определения того, каким образом параметры классической либеральной модели правового государства могут быть реализованы в новых условиях социального развития. Требовалось одновременно поставить нужные вопросы, аккумулировать материал для их обсуждения и предложить доказательные научные рекомендации для движения вперёд как в политике, так и в образовании.

Эти задачи в тот момент не могли быть выполнены ни одним из существовавших научных изданий: известные западные журналы и эксперты, вовлечённые в дискуссию, смотрели на происходящее глазами их собственных правовых школ и имели достаточно поверхностное представление о процессах конституционной трансформации в Восточной Европе и России, а тем более в других постсоветских странах; традиционные советские академические журналы и школы оказались в полной растерянности перед лавиной изменений, не располагая методологией и фактическими данными для их анализа. Периодически возникающие новые издания не имели достаточной академической основательности и быстро прекращали своё существование, не успев представить устойчивой и сбалансированной позиции. Нужен был журнал нового типа, способный объединить российских и зарубежных учёных для решения круга проблем конституционализма особого периода, который чаще всего определяли как «переходный» (тогда предполагалось, что это будет прямой переход от авторитаризма к демократии, что сейчас совершенно не очевидно).

Эту миссию судьбе угодно было предоставить журналу «Сравнительное конституционное обозрение», который в силу особенностей возникновения и формирования до сих пор не имеет аналогов в отечественной и зарубежной литературе. Развитие журнала отражает основные этапы конституционализма в России и всём постсоветском регионе. Он был создан в год, когда была принята Конституция России 1993 года, последовательно отражал все этапы эволюции российской государственности, а подведение результатов его деятельности к 30-летию юбилею — прекрасный повод обсудить итоги и перспективы продвижения российского конституционализма.

3. Три этапа истории журнала: преемственность и изменения

Общая преемственность журнала сочетается с инновациями, связанными с эволюцией самого объекта исследования — конституционного права, и фокусировкой на те его аспекты, которые приобретали большую актуальность в определённый период времени. Речь идёт при этом об актуальности как научной (например, вопросы, выдвинутые в интернациональных дискуссиях), так и политической (например, обстоятельства принятия новых конституций или их реформирования), хотя на практике они часто взаимодействуют. В развитии журнала можно условно выделить три основных этапа, в целом отражающих динамику мирового и российского конституционализма постсоветского периода: этап становления (1993—2003); этап критического переосмысления (2004—2013); и этап синтеза (с 2014 года по настоящее время). Соотношение этих трёх этапов, каждый

из которых включает целое десятилетие интенсивных поисков, выявляет не только общую преемственность, но и особенности соответствующих периодов развития конституционализма, объясняя выбор основных тем, авторов и акценты дискуссий.

Первый этап (1993–2003) — это становление журнала, имевшего в данный период название «Конституционное право: восточноевропейское обозрение» (сокращённо — КПВО). В первые десять лет существования журнал издавался в партнёрстве с американским журналом *East European Constitutional Review* (главный редактор — профессор Стивен Холмс). Основу русской версии журнала на начальном этапе его существования составляли переводные статьи, затем стали преобладать работы русскоязычных авторов (не обязательно из России). Первый (пилотный) выпуск журнала вышел в 1992 году и ставил универсальные вопросы, понятные исключительно в контексте эпохи крушения коммунизма и перехода к правовому государству. Его центральная рубрика — «Возрождение конституционализма» — включала следующие темы: «В чём смысл создания конституции», «Россия: навстречу конституционализму»; «Конституционализм для России: книга за семью печатями?». Наряду с этим был представлен обзор новых конституций и конституционных новостей из всех стран Восточной Европы¹. Таким образом, центральными проблемами выступали сама возможность демократической конституции в постсоветском обществе, перспективы её принятия и укоренения, а также трудности на этом пути.

Отвергая советскую традицию номинального конституционализма (видевшую в нём исключительно элемент идеологической политики), авторы журнала ставили задачей поиск альтернативы подобной системе, который заключался в обсуждение модели перспективного конституционного устройства для Восточной Европы и России. Приоритетные области внимания в этот период — информирование российской общественности об изменениях в постсоветском регионе, преимущественно в странах Восточной Европы. На передний план выходили политические аспекты разработки и принятия новых конституций, которые во многом преобладали над правовыми. Переломным событием на этом пути стало принятие Конституции России в 1993 году — начиная именно с этого года журнал официально ведёт свою деятельность. Подводя первые итоги пятилетней работы (1998), журнал достаточно скромно определял свою миссию, ограничивая её информационными задачами: «...привлечь внимание к конституционным процессам, протекавшим в посткоммунистических странах Восточной Европы и представить достаточно широкий спектр информации о существующих моделях конституционного развития». В то же время информационные цели чётко связывались с российской практикой. «Развивая журнал, — сообщала редакция, — мы стремились привнести в юридическое сообщество России знание о достижениях политической и правовой мысли в других странах мира, а также восстановить несколько приостановленное общение между специалистами в России и восточноевропейских странах»².

По прошествии десятилетия (2003) первоначально ограниченные рамки деятельности журнала были расширены. Это отражено в корректировке его задач и приоритетов, которые теперь составляют не только информирование, но и формирование представле-

¹ Возрождение конституционализма // Конституционное право: восточноевропейское обозрение (далее — КПВО). 1992. № 1 (1). С. 7–19. Здесь и далее мы ссылаемся на названия проблемных рубрик, объединяющих ряд статей, а также на публикации материалов конференций и коллективных трудов авторов журнала по ключевым дискуссионным вопросам. Обращение к работам отдельных авторов было бы слишком громоздкой процедурой.

² От редакций // КПВО. 1998. № 2 (23). С. 4.

ний общественности о конституционных процессах, углубление юридической составляющей анализа при сохранении его политической составляющей, особое внимание на эффект применения иностранных моделей в российском и вообще постсоветском контексте. Журнал, как отмечается в статье главного редактора к его 10-летию, «постепенно превратился в своего рода источник интересных идей и новых подходов к анализу современного конституционализма». В этом качестве он оказался «востребован как среди ученых, так и среди практиков и — что немаловажно — среди политиков». Особенность подхода на этом этапе — внимание к российской проблематике: «Пристально и глубоко изучая развитие конституционных процессов в европейских странах новой демократии, журнал особое внимание уделял и уделяет анализу правовых, в первую очередь конституционных, реформ в России». Десятилетие журнала совпало с юбилеем принятия российской Конституции — анализ десятилетней практики её применения во многом повлиял на развитие журнала. Все эти изменения в редакционной политике и содержании публикаций были отражены в принятом решении о новом названии журнала: «Откликаясь на новые темы дня и выделяя современные проблемы, журнал, — писал его главный редактор, — расширяет свою миссию и региональный охват, сохраняя в то же время междисциплинарный подход. В результате принято решение о том, что начиная с середины 2004 года журнал будет издаваться под новым названием: “Сравнительное конституционное обозрение”»³.

Второй этап (2004–2013) — это *период критического анализа* конституционализма и российского конституционного эксперимента с позиций сравнительного правоведения. Задачи, вытекавшие из принятия нового названия журнала — «Сравнительное конституционное обозрение» — предполагали приоритетное внимание к ряду новых направлений, среди которых — методология сравнительного конституционализма; расширение как географических (другие регионы мира), так и проблемно-тематических (отраслевое право и конституционное толкование) рамок такого анализа; обсуждение правовых, социологических и политических препятствий для аутентичной реализации конституционализма в России. Наиболее заметным изменением стало расширение географических рамок — это уже не только Восточная Европа, но прежде всего Европейский Союз, Россия и страны постсоветского региона, включая динамичные процессы в Средней Азии. В отношении России — это детальный анализ нормативных конструкций в сочетании с социологическим и политологическим объяснением их смысла. Пристальное внимание к методологии сравнительных исследований представлено в изучении конституционного законодательства как фактора эволюции конституционализма и конституционного правосудия как самостоятельного компонента развития конституционализма, включая его российскую специфику.

Второй этап журнала определялся рядом приоритетных внешних факторов развития самой исследуемой проблематики. Он начался с важных изменений российской государственности, федерализма и механизма разделения властей в ходе федеративной, судебной и административных реформ 2001–2005 годов; продолжился конституционной реформой 2008 года и сопутствующими ей изменениями; и завершился, после спада оппозиционных движений 2011–2012 годов, консервативным трендом в политике права в 2013–2014 годах. Этим обусловлены как приоритеты тематики журнала, так и его место в системе общественно-политических коммуникаций, менявшееся с учётом тенденций политики права. Если изменения политической обстановки в 2004 году потребовали

³ От главного редактора // КРОВО. 2003. № 4 (45). С. 3.

смены названия (СКО вместо КПВО), то дальнейшая трансформация российской власти ставила вопрос о поиске новых модальностей взаимоотношения с обществом и официальными институтами. Выражением этих настроений стало обращение к расширению внешних и внутренних коммуникаций, решению задач образования, а также изменение дизайна журнала (более компактные по размеру выпуски журнала способствовали его использованию в учебном процессе).

Суммируя эти изменения к 15-летию юбилею журнала (2008), редакция констатировала: первый номер СКО за 2008 год, изданный в новом оформлении, «стал для нас не просто очередным выпуском, а своего рода первым шагом в новый этап жизни журнала, где сохранение лучших из сложившихся традиций будет гармонично сочетаться с новыми идеями и изменениями». Важными событиями признавались включение журнала в перечень изданий, рекомендованных ВАК для публикации статей соискателей степени кандидата юридических наук, а также установление партнёрских отношений с журналом *International Journal of Constitutional Law*. На этом этапе констатировалось увеличение престижа журнала в международных и национальных научных кругах: «Появившись в 1993 году в числе первых научных изданий нового типа, — констатировала редакция, — он постепенно завоевал признание представителей экспертного сообщества не только в России, но и за рубежом». Наконец, выражалась уверенность в способности сохранить и выполнить ранее принятые на себя задачи, несмотря на привходящие обстоятельства: «Многое изменилось, однако неизменным осталось одно — наше стремление предоставлять заинтересованной аудитории только самые качественные материалы в области сравнительных конституционно-правовых исследований»⁴.

Подводя итоги предшествующему развитию журнала к 20-летию его существования (2013), редакция констатировала, что высокие устремления, провозглашённые в период его создания и лежавшие в основе его деятельности, не утратили значения, но стали вступать в противоречие с процессами эрозии российского конституционализма. Это отражено в двойственности выводов редакции о перспективах российской политики права и направлениях деятельности журнала. Главная проблема усматривалась в формировании неконституционных практик, изучение которых предполагает не столько юридический, сколько социологический анализ. «Сам факт того, что важнейшие конституционные принципы закреплены в Основном законе и начали применяться, можно расценивать как успех, — констатировала редакция. — Но потребуется немало времени, чтобы эти принципы стали восприниматься как естественное и неотъемлемое право. Проблема неконституционной практики не снимается лишь юридическими средствами. Это вопрос и качества “почвы и судьбы”, и эффективности функционирования судебной власти»⁵. Понятие «неконституционные практики», таким образом, впервые прозвучало в программных документах журнала как особая тема для размышлений.

Такая постановка вопроса заставляла делать акцент на реализации конституционных норм в разных сферах политики, управления и судебной практики: «Заметным успехом, — говорили издатели, — можно считать и позитивное воздействие сформировавшейся практики конституционного правосудия в ряде сфер правового регулирования. Но ещё многое должно быть сделано, усовершенствовано». В контексте этих размышлений была предложена «новая методология конституционного мониторинга, которая, — надеялась редакция, — не останется без внимания исследователей и представителей просвещённой бюрократии», что чётко указывало на адресат послания журнала.

⁴ От редакции // Сравнительное конституционное обозрение (далее — СКО). 2008. № 1 (62). С. 3.

⁵ От редакции // СКО. 2013. № 6 (97). С. 3.

Подводя итоги деятельности журнала, редакция подчёркивала как его общественно-политическое значение, так и связь с практикой реформ (контрреформ): «...выпустив 97 номеров и опубликовав за двадцать лет 1 689 статей, журнал всегда выполнял роль общественной трибуны, с которой можно излагать свои идеи и обмениваться опытом, стремясь освещать темы и поднимать проблемы, наиболее интересные и актуальные по своей злободневности для российского общества»⁶. Стремление журнала стать общественной трибуной в условиях резких политических изменений делало его публикации самостоятельным фактором публичной политики.

Третий этап (с 2014 года по настоящее время) может быть определён как *период синтеза* прежних и новых тенденций в развитии мирового конституционализма в контексте изменившихся условий его развития. В центре внимания — глобальное изменение конституционализма и причин его сбоев, необходимость их критического анализа во всемирном и российском контексте. Новейший этап работы журнала начался с изменения глобальной политической повестки — острого конфликта Запада и России в связи с кризисом на Украине 2014 года, продолжился процессами ретрадиционализации конституционализма в США и Европе (Брексит), особенно постсоветской её части, и включил в себя трансформацию российской конституционной модели поправками 2014 и 2020 годов, чётко высветив ряд фундаментальных изменений мировой конституционной повестки, сохраняющих значение до настоящего времени.

К ним относятся: ставший очевидным кризис международного права, выражающийся в столкновении противоположных нарративов европейской и мировой безопасности; стремление России, Китая и ряда других ведущих держав мира пересмотреть конструкцию однополярного мира и выстроить его архитектуру на принципах учёта интересов новых глобальных центров силы; растущая критика европоцентризма и корректировка с этих позиций либеральной концепции конституционализации международного права; дифференциация глобальных правовых режимов, ставящая проблему их специального изучения и сравнительного анализа на материале не только Европы, но и всех других континентов.

Кроме того, это столкновение процессов глобализации и регионализации, проходящих на разных уровнях глобального управления и в различных формах; переоценка с этих позиций теории и практики защиты прав человека, с учётом конкурирующих тенденций к универсализации и дифференциации прав; необходимость выработки отношения к феномену конституционного популизма и его различным проявлениям правой и левой направленности, в том числе с учётом меняющейся позиции конституционного правосудия. Наконец, это возникновение новых глобальных угроз конституционализму, наиболее важными из которых стали мировой экономический кризис 2008 года, миграционный кризис 2015 года, технологические вызовы с трудно предсказуемыми правовыми последствиями и кризис пандемии коронавируса, приведшие к ограничению, если не к сворачиванию, ряда казавшихся бесспорными постулатов либеральной концепции прав и свобод человека. При обсуждении этих разнонаправленных процессов важно не просто аккумулировать накопленный интеллектуальный потенциал и суммировать известные теоретические подходы, но обратиться к поиску новых, даже если они воспринимаются частью сообщества как дискуссионные или спорные.

На этом пути журнал добился важных достижений в текущий период своей деятельности. Каковы итоги работы журнала? На наш взгляд, их очень точно суммировал профессор В. Д. Зорькин в предисловии к 100-му номеру (№ 3 за 2014 год): «Сравнитель-

⁶ От редакции // СКО. 2013. № 6(97). С. 3.

ное конституционное обозрение” представляет собой один из самых известных в нашей стране журналов, освещающих актуальные проблемы изучения современных правовых реалий на основе методов юридической компаративистики. Причём, пожалуй, единственным, который сконцентрирован именно на конституционно-правовой тематике». Журнал, продолжает В. Д. Зорькин, регулярно предоставляет читателю «актуальную информацию и весьма разнообразную палитру мнений по широкому кругу вопросов конституционного развития стран, вставших на путь построения правовой государственности». Эти исследования ведутся на «глобальном, универсальном во всех смыслах этого слова уровне». Важен здесь и общий вывод о стремлении журнала к новизне как принципе и критерии оценки информации: «Политике его редакции свойственен нешаблонный подход к выбору как тематики публикаций, так и круга авторов, к политическим и мировоззренческим позициям которых можно относиться по-разному, но нет оснований сомневаться в высоком уровне их профессиональной квалификации»⁷. Руководствоваться этими критериями мы продолжаем и сегодня. К своему 30-летию журнал подошёл, выпустив около 150 номеров и более 2000 статей, и мы не намерены останавливаться на достигнутом.

В целом, при сохранении преемственности, три этапа развития журнала отражают динамику и приоритеты мирового, европейского и российского конституционализма. Эта динамика связана с использованием методологии классического сравнительного права, стремлением понять особенности переходного конституционализма с выходом на вопросы конституционного конструктивизма. Далее рассмотрим сквозные темы журнала за тридцать лет его существования и то, как их удаётся реконструировать с позиций сегодняшнего дня.

4. Сравнительный конституционализм: методы и проблематика

Классические *теории сравнительного конституционализма* — эволюционистские, позитивистские, реалистические — достаточно полно представлены разными авторами журнала. Не остались в стороне и современные критические подходы, указывающие на значение психологических, семантических и лингвистических методов компаративистики. Они дополняются междисциплинарными подходами, призванными отразить взаимодействие различных факторов в юридическом конструировании реальности — в принятии конституционных норм, законов и практике судебного толкования, определении роли заимствований, этимологии понятий, критериев их доказательного анализа. Периодическое возвращение к обсуждению этих методологических вопросов актуализирует их трактовку применительно к текущим вопросам конституционализма⁸.

Обращение журнала к *методам сравнительного конституционализма* первоначально имело не теоретический, но вполне понятный прагматический мотив. В публикациях КПВО 1993–1998 годов в центре оказывается конституционное развитие стран Восточной Европы — Польши, Венгрии, Чехословакии, вскоре разделившейся на Чехию и Словакию, Хорватии, Балканских стран, Боснии и Герцеговины, стран Балтии, конституционные аспекты распада Югославии и провозглашения независимости Косово. Это были вопросы, связанные с переходными процессами, такими как соотношение

⁷ Зорькин В. К 100-му номеру «Сравнительного конституционного обозрения» // СКО. 2014. № 3 (100). С. 3.

⁸ См.: Методология сравнительного конституционализма // СКО. 2004. № 4 (49). С. 84–112; В фокусе: изучение конституционной компаративистики в России // СКО. 2009. № 6 (73). С. 45–82.

правовых и политических изменений, формирование парламентов и парламентского контроля, становление многопартийности. Конституционализм связывался не столько с априорными теоретическими конструкциями, сколько с политическими изменениями — парламентскими выборами в Венгрии, Чехословакии и Украине, формированием культуры парламентаризма (парламентского контроля), многопартийности (выборы, коалиции), решением проблем реституции собственности (её возвращения прежним владельцам), люстраций (устранения из власти лиц, активно действовавших в идеологических и карательных структурах старого режима), осуществлением демократического контроля над средствами массовой информации, соблюдением политических прав человека и предотвращением их нарушения.

В связи с этим обсуждались *стратегии переходного периода* — путём сохранения элементов правовой преемственности со старым режимом в ходе так называемых согласованных, или «бархатных», революций в Венгрии, Чехословакии и Польше и сопутствовавших им переговоров власти и оппозиции (известных как «круглые столы») или путём её разрыва в виде революционных вариантов смены власти — переворотов в разных странах, например в Югославии, Румынии, Албании. В этих рамках был поставлен ряд общих проблем сравнительного конституционализма, получивших позднее более широкое освещение, среди которых — соотношение идеологии и права, учредительной и конституционной власти, место народного суверенитета в демократическом государстве, принцип плюрализма в организации власти; механизмы разделения властей; способы контроля избирателей над депутатами парламента и характер их мандата (свободный или императивный), функционирование многопартийности и вопросы злоупотребления властью в ходе избирательных кампаний.

Верховенство права и права человека, естественно, выдвинулись в качестве постоянной интегральной темы, позволявшей оценить меняющийся баланс отношений общества и государства. Одним из трендов начального этапа работы журнала стало изучение противоречий, связанных с демократическими декларациями новых правительств, и их экономической политики, неизбежно ограниченной в ситуации перехода от плановой экономики к рыночной. Выяснилось, что верховенство права отнюдь не всегда ориентировано на адекватную защиту социальных прав в условиях перехода к рыночной модели экономики (например, оно предположительно погубило реформу социальной защиты в Венгрии); правовое государство нуждается в поиске новых институтов для отстаивания экономических и социальных прав; экономическая и финансовая основа федерализма и политика национальных банков должны оцениваться не только с позиций функциональной эффективности, но и в конституционном ключе; конституционные суды способны существенно модифицировать своим толкованием понимание социального государства и социальных прав; а гражданское общество может оказывать противоречивое воздействие на ход демократических реформ, с разной степенью эффективности противостоя экономическому монополизму, коррупции и клиентелизму, таящим угрозу реставрационных тенденций. Вся эта дискуссия выстраивалась, в сущности, по линии принятия *европейских ценностей*, выражением которых признавались *европейские стандарты основных прав*⁹, рассматривавшихся как опора в трансформации национального законодательства в процессе перехода к рыночной экономике. С этих позиций основными задачами выступали преодоление лагун и противоречий в конституционном законодательстве и его реформирование в рамках конституционализации

⁹ См.: Совет Европы: стандарты в области прав человека // КПВО. 2002. № 1 (38). С. 37–74.

отраслевого права¹⁰, изучение судебных прецедентов интерпретации прав, а также развитие новых образовательных технологий¹¹.

Вопросы политической культуры и институциональных преобразований стали приоритетными темами сравнительных исследований. Как показано в статьях этого периода, многое здесь зависит не только от конституционных норм, но и от способности общества к их восприятию, которая, в свою очередь, определяется правовой культурой, сформировавшейся в предшествующий период. Примером могут служить опубликованные статьи по вопросам собственности и имущественных прав: в переходный период они приобретали особенно острый характер — в ходе приватизации государственного имущества, разграничения прав на владение природными ресурсами между федеральным центром и субъектами федерации, реституции церковных имуществ, объектов культурного наследия, проведения земельной реформы, защиты прав собственника, определения смысла лоббизма и других. Не менее остро стояли *проблемы выстраивания инфраструктуры правового государства* — таких институтов, как кадастр, нотариат, адвокатура, независимая судебная власть, суды присяжных, а также декриминализация соответствующих статей уголовного и административного кодексов. В этом контексте понятно обращение журнала к тематике *правозащитной деятельности* — специальному обсуждению таких категорий, как *спрос на право и доступ к правосудию* в обществах разного типа, презумпция невиновности и соблюдение стандартов защиты прав, изменение установок судей и правоохранителей, в том числе при осуществлении мер пресечения преступности и исполнения наказаний¹². В качестве новых тем для обсуждения выдвинуты *вопросы социологии права*: правосознание и правовой нигилизм, правовой дуализм (существование разных правовых подсистем в одной системе), вопросы имитации, адаптации и заимствований правовых норм из одних правовых культур в другие, факторы их успеха и провала, в частности с учётом роли международных и национальных институтов конституционного правосудия и, что особенно важно, перестройки юридического образования в Центральной и Восточной Европе (*далее* — ЦВЕ) и России с включением в него конституционной компаративистики.

Тема прав человека получила развитие и в следующий период существования журнала (2004–2013). В это время она становится лейтмотивом *дискуссии о конституционализации международного права и трансформации национальных конституционных практик*. Следуя этому тренду, журнал обращал особое внимание на принципы Европейской Конвенции по правам человека (*далее* — ЕКПЧ), их реализацию Европейским Судом по правам человека (*далее* — ЕСПЧ), а также трансформацию национальных правовых стандартов стран ЕС и России. С этих позиций в журнале реконструировались западная традиция права, вклад в неё различных философских концепций — естественного права, нормативизма и реализма; соотношение доктрин негативных и позитивных прав в разных конституционных порядках; критерии для измерения прав человека; реализация конституционных принципов в разных правовых системах¹³. В ходе этого обсуждения в проблематику журнала вошёл ряд новых вопросов, ранее не

¹⁰ См.: Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования / ред.-сост. К. Г. Гагнидзе. М.: ЦКИ МОНФ, 1998; Конституция как фактор социальных изменений : сб. докладов. М.: ЦКИ МОНФ, 1999.

¹¹ См.: Конституционные права в России: дела и решения : учеб. пособие / отв. ред. А. Шайо. М.: Институт права и публичной политики, 2002 (здесь и далее: АНО «Институт права и публичной политики» включена Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента).

¹² См.: Спрос на право // КПВО. 2002. № 1 (38). С. 75–90.

¹³ См.: Конституционные ценности в теории и судебной практике : сб. докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2009.

затрагивавшихся или затрагивавшихся частично. К их числу относятся проблемы социальной справедливости, равенства и дискриминации; права меньшинств; гендерные отношения; религиозные права, свобода совести и вероисповедания; комплекс правовых отношений, связанных с Интернетом, биоэтикой, а также новыми вызовами правоповому государству со стороны популизма, терроризма и других проявлений транснациональной преступности. Их суммарным выражением стали *тенденции развития постсоветских политических режимов*, продемонстрировавших гибридные характеристики — сочетание конституционного закрепления основных прав человека с особенностями системы разделения властей, отдающей приоритет президентской власти и статусу главы государства¹⁴.

Данная постановка вопроса позволила расширить не только проблемное поле исследований, но и их *междисциплинарный характер* — показать взаимоотношения конституционного права и различных видов отраслевого права (международного, гражданского, семейного, информационного, уголовного, административного, процессуального и т. д.). Специально обсуждались, например, принципы международного уголовного правосудия и его система, Римский статут и национальное законодательство¹⁵. Наряду с этим сама меняющаяся российская действительность актуализировала некоторые вопросы, такие, например, как рост социального неравенства и проблема бедности после потрясений 1990-х годов и экономического кризиса 2008 года, ограничения политического плюрализма, свободы собраний и прав оппозиции после протестных акций в 2011–2012 годах, нарушения избирательных прав, возможность индивида отстаивать свои права в споре с государством в суде, свобода предпринимательской деятельности и защита бизнеса от произвола контролирующих органов, адекватность реализации судебных решений административными органами. Так формируется интегральный подход к конституционализму, делающий его полноценным инструментом политической модернизации.

5. Интеграция и фрагментация правовых режимов: Европейский Союз, Россия и мир

К началу 2000-х годов акцент журнала смещается с вопросов переходного периода (который фактически завершился в большинстве стран региона ЦВЕ их вступлением в ЕС) к *вопросам международного или европейского правового урегулирования*. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, обращение к международному праву было связано с оценкой террористической атаки 11 сентября 2001 года в США и провозглашением глобальной войны с террором, в которую Россия была вовлечена еще ранее в связи с чеченскими войнами и рядом других конфликтов¹⁶. Эта тема заставила обратиться к вопросу о соотношении либерализма и терроризма — о допустимых границах ограничений прав человека в рамках так называемого превентивного государства¹⁷. В центре внимания оказались темы ограничений свободы слова, насильственных перемещений, предварительных задержаний и заключения подозреваемых без предъявления обвинений и доступа к адвокату и прочее, а также приемлемость и границы «гуманитарной интервенции» развитых демократий в политику стран, предположительно, на-

¹⁴ См.: Постсоветское пространство: политические институты // СКО. 2006. № 4(57). С. 116–144.

¹⁵ См.: Международное уголовное правосудие: философия, система, принципы, проблемы // СКО. 2009. № 1(68). С. 99–149; Международное правосудие // СКО. 2010. № 5(78). С. 87–95.

¹⁶ См.: В фокусе: от посткоммунизма к постсентябрю // КПВО. 2001. № 4(37). С. 43–84.

¹⁷ См.: В фокусе: терроризм и демократия // СКО. 2006. № 4(57). С. 37–86.

рушающих права человека. Вторым обстоятельством стало расширение Европейского Союза принятием в него в 2004 году стран ЦВЕ, ранее входивших в сферу советского влияния. Эта тема затрагивалась с точки зрения особенностей европейского транснационального права, но также и с учётом политических факторов — отношений ЕС и НАТО, ЕС и России, перспектив и границ экспансии европейских институтов и правовых принципов в постсоветском регионе¹⁸. В-третьих, ориентации журнала на вопросы международного или европейского права способствовали война в Югославии и значение Гаагского трибунала по преступлениям в бывшей Югославии, прежде всего суд над С. Милошевичем. Акцентируя внимание на соотношении гражданских и этнических прав в ходе войны в Югославии, данный процесс поставил немало сложных вопросов международного права, таких как принцип территориальной целостности государств и право наций на самоопределение, возможность экстерриториального влияния на ход событий в виде так называемой «гуманитарной интервенции», критерии допустимости признания новых государств (проблема Косово), правомерности использования понятия геноцида и роли ООН и международных судов в его предотвращении. Данные вопросы оказались исключительно актуальны для Восточной Европы и постсоветских стран, границы которых были неустойчивы¹⁹. Несмотря на то что некоторые комментарии того времени сегодня могли бы выглядеть иначе (особенно ввиду непрекращающихся споров о юридической составляющей признания независимости Косово в свете возникновения других самопровозглашённых государств в постсоветском регионе), сама постановка этих вопросов открывала для журнала тему гарантий прав на транснациональном уровне, возможность сравнивать трактовку этих вопросов в европейских нормах и институтах и институтах постсоветских стран, прежде всего в России и на Украине, где так называемая «оранжевая революция» 2004 года и последовавший за ней каскад «цветных революций» в других странах региона акцентировали внимание на противоречиях постсоветских режимов.

Интеграционные процессы, набиравшие в этот период силу в Европе, ставили проблему транснационального правового регулирования — формирования наднационального права или конституционализма поверх государств. Основным и наиболее успешным примером такой интеграции стал Европейский Союз, закрепивший данную стратегию сближения государств в своих учредительных договорах. Журнал подробно освещал эту тему, рассматривая Европейский Союз как новый тип интеграционных объединений, комментировал основные правовые акты ЕС, анализируя особенности европейского права как результата конституционализации международного права. Данный процесс в Европе и за её пределами имел основанием принятие Европейской Конвенции по правам человека 1950 года, учреждение Совета Европы и Европейского Суда по правам человека, которые стали постоянными ориентирами журнала практически по всем параметрам. В поле зрения авторов журнала находились работа Европейского конвента по разработке Конституции ЕС, причины провала данной инициативы на референдумах во Франции и Голландии (2005) и последующие её корректировки в Лиссабонском договоре 2008 года, присоединение ЕС к ЕСПЧ.

Предметом рассмотрения стали новые вопросы: *теория транснационального конституционализма и её отношение к классическим его концепциям*; анализ

¹⁸ См.: В фокусе: расширение ЕС: взгляд с Востока // КПВО. 2000. № 4(33)/2001. № 1(34). С. 39–67. Эта тема постоянно находилась в сфере внимания журнала и нашла отражение в ряде текущих российско-немецких проектов, посвящённых сопоставлению конфликтных нарративов европейской безопасности в свете расширения ЕС и НАТО на Восток (доклады Inmedio).

¹⁹ См.: В фокусе: Восточная Европа после кризиса в Косово // КПВО. 1999. № 4(29). С. 37–97.

Европейской хартии об основных правах и других основополагающих документов Европейского Союза; концепция и практика многоуровневого конституционализма и управления; принцип subsidiarity — взаимодополнительности разных уровней европейской правовой системы. В журнале обсуждались роль потенциальной европейской конституции в легитимации ЕС; международное и национальное конституционное право; горизонтальный эффект конституционализма в странах ЦВЕ; балансирование и принцип пропорциональности в судебном толковании, легитимность судебного контроля²⁰. В 2007 году, с принятием Лиссабонского договора, ключевой темой стало единое правовое пространство Европы²¹. Диалог судов — Страсбургского (ЕСПЧ) и Люксембургского (ЕСС), с одной стороны, и национальных конституционных судов, с другой стороны, — стал предметом ряда международных конференций с участием учёных и судей²².

Ратификация Россией ЕКПЧ в 1998 году и признание ею юрисдикции ЕСПЧ позволили ей стать полноправным участником данного диалога с конституционалистами 47 стран, ратифицировавших данную Конвенцию. Речь шла о полном принятии стандартов Совета Европы²³ и их реализации в российском праве путём выстраивания «взаимодействия»²⁴. С этим связано сотрудничество журнала и его авторов с соответствующими структурами ЕС — Советом Европы, Венецианской комиссией и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В специальных статьях рассматривались такие темы, как европейские ценности и распространение либерального конституционализма; конституционный плюрализм в единой Европе; реализация основных социальных, религиозных и политических прав; достоинство личности как принцип конституционного правосудия; демократия и выборы; место конституционного правосудия в системе разделения властей правового государства; правовые и политические реформы во всех странах постсоветского региона.

Предметом теоретической дискуссии выступили *аксиологические аспекты конституции*, под которыми понимались прежде всего *конкурирующие конституционные ценности и поиск баланса между ними* при разрешении правовых коллизий, в том числе в судебной практике²⁵. Эта дискуссия включала обсуждение ряда тем: безопасность и превентивное государство (границы чрезвычайных мер по борьбе с терроризмом); негативные аспекты влияния новых технологий на права человека. Это позволило поставить вопросы, актуальные сегодня: смысл понятия «суверенитет» в условиях транснациональной интеграции; референдум и конституционное право. Это также позволило проанализировать такие важные презумпции германского конституционного правосудия, как партийное государство, воинствующая демократия, неконституционные конституционные поправки, границы использования чрезвычайных полномочий в условиях кризиса. Подведением предварительных итогов в рассмотрении данной тематики стали подборки статей к важным юбилейным датам — к принятию Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Европейской Конвенции по правам человека 1950 года²⁶,

²⁰ См.: В фокусе: «горизонтальный эффект» конституционных прав // СКО. 2006. № 2(55). С. 28–74.

²¹ См.: Форум: единое правовое пространство Европы // СКО. 2007. № 1(58). С. 87–127.

²² См.: Конституционный Суд как гарант разделения властей: сб. докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2004.

²³ См.: Совет Европы: стандарты в области прав человека.

²⁴ См.: Форум: Совет Европы и Россия: перспективы взаимодействия // КПВО. 2001. № 3(36). С. 77–112.

²⁵ См.: В фокусе: конституционные ценности // СКО. 2008. № 4(65). С. 4–49; Конституционные ценности // СКО. 2008. № 6(67). С. 76–98; В фокусе: аксиология современного конституционализма // СКО. 2014. № 4(101). С. 37–85.

²⁶ См.: Форум: к 60-летию Европейской Конвенции // СКО. 2010. № 6(79). С. 76–100; 2011. № 1(80). С. 86–123.

Европейской Хартии прав²⁷, 50-летию ЕСПЧ²⁸, 60-летию Основного закона ФРГ 1949 года²⁹ и др.

Сегодня, тридцать лет спустя, приходится констатировать излишний оптимизм многих авторов в отношении перспектив кооперации ЕС и России по созданию единого правового пространства на европейском континенте: идеям транснационального конституционализма противостоит факт кризиса международного права; триумфальному либерализму 1990-х годов — правый поворот и подъём популизма; правовой интеграции — фрагментация правовых режимов; идеям глобальной рыночной экономики — протекционизм, начавший набирать обороты с кризиса 2008 года; международной дипломатии — рост военной конфронтации. Еврооптимизм сменяется евроскептицизмом, а продвижение ценностей либерального конституционализма сталкивается с конституционной ретрадиционализацией, охватившей практически все страны ЦВЕ и постсоветского пространства. Формальным признанием этого стали конституционная реформа в России 2020 года и последующий выход России из Совета Европы, ЕКПЧ и юрисдикции ЕСПЧ в 2022 году, выражающий прямую конфронтацию с Западом в связи с началом Россией специальной военной операции на Украине (24 февраля 2022 года).

В разных регионах мира эти тенденции к правовой фрагментации развивались не синхронно, но в целом двигались в сторону эрозии либерального конституционализма. Конституционный популизм даже в стабильных демократиях заявил о себе как о противнике данных ценностей в Европе периода миграционного кризиса 2015 года, Брексита 2016 года и в программе администрации Трампа, приведя к власти нелиберальные политические силы в тех странах Восточной Европы, которые ранее находились в авангарде антикоммунистических революций. В 2021 году на обложку журнала вынесена уже другая тема — «Сохранится ли правовое единство Европы: дискуссия о перспективах интеграционного проекта ЕС»³⁰. Оценки данных тенденций в журнале, в отличие от других изданий, стремились избежать пристрастности, противопоставляя ей взвешенный анализ конкурирующих трендов мировой политики и проектов конституционных преобразований.

6. Новейшие тенденции мирового правового развития в редакционной политике журнала

Выделим здесь ряд новых направлений исследовательской и публикаторской деятельности журнала последнего десятилетия, ставших ответом на текущие вызовы конституционализму, которые требуют от авторов смелости и нестандартности мышления.

Первое — это расширение географических рамок анализа в стремлении преодолеть односторонность классического европоцентризма. Он подвергается растущей критике, причём не только в регионах бывшей колониальной периферии, но и в самих странах Запада. Однако главная проблема состоит не столько в критике, сколько в поиске разумных альтернатив. С этих позиций в журнале освещались вопросы формирования глобального права и взаимодействия в его рамках различных правопорядков; многоуровневого конституционализма; иерархия правовых институтов — от глобальных (ООН) до региональных, национальных, федеративных и представляющих местное

²⁷ См.: Европейский Союз: Хартия об основных правах // КПВО. 2001. № 3 (36). С. 113–122.

²⁸ См.: См.: В фокусе: к 50-летию Европейского Суда по правам человека // СКО. 2009. № 4 (71). С. 45–151.

²⁹ См.: В фокусе: необычное путешествие по Германии // СКО. 2009. № 3 (70). С. 58–122.

³⁰ См.: В фокусе: интеграционный проект ЕС // СКО. 2021. № 5 (144). С. 15–41.

самоуправление. Европа как центр конституционной мысли осталась главным приоритетом, но в публикациях журнала текущего периода существенно расширено представительство других регионов мира. Тематами новейших исследований стали конституционные модели Азии — Японии, Китая, Ирана, Индонезии; Латинской Америки — Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, стран Карибского региона и других; Африки — от ЮАР до стран арабского мира в период так называемой «арабской весны»³¹. Авторы журнала, в отличие от многих современных публицистов и обозревателей, не готовы принять единую схему этих процессов, наподобие «конца истории» или «конфликта цивилизаций», усматривая свою задачу в поиске рационального баланса либеральных ценностей и интересов различных регионов мира. Мы полагаем, что сам этот баланс лишь выстраивается сегодня, его контуры ещё не определены, этот процесс не является фатальным и, на наш взгляд, многое будет зависеть именно от того, в какой мере конституционная парадигма станет основой компромисса конкурирующих позиций нового мирового политического устройства.

Второе — это углублённое изучение динамики процессов интеграции и регионализации в Европе и мире. Тенденции к регионализации, последовательно набиравшие силу в последнее десятилетие, заставляют более внимательно относиться к существующим и потенциально возможным международным союзам, их структуре и правовым формам. Тематами публикаций стали транснациональное право и конституционализм в выработке единых правовых стандартов; принцип субсидиарности в интеграционных процессах ЕС и других регионов; региональная повестка внутри ЕС; федерализм, квазифедерализм и автономизм в разных регионах мира — от США, Канады, ФРГ и Испании до Индии, Бразилии, Индонезии, Австралии и Новой Зеландии; деволюция как модель децентрализации в Великобритании, референдумы о независимости в Шотландии, Каталонии, Крыму и других регионах мира. Непосредственно в постсоветском регионе большое внимание уделялось таким вопросам, как интеграционный проект СССР и причины его распада (тема целой серии статей по истории советских конституций XX века, а также ряд интервью с деятелями той эпохи); образование СНГ; создание и перспективы Евразийского экономического союза, который обсуждался как модель наднациональной интеграции, в том числе в сравнении с ЕС; Союз России и Белоруссии, перспективы Евразийского Суда, потенциально возможные интеграционные проекты будущего³².

Третье. Кризис современного международного права, начавшийся с войны в Югославии, вторжения США в Ирак (2003) и расширения НАТО на восток и продолженный ответными действиями России и её союзников, поставил под вопрос многие ключевые положения Хартии ООН и Хельсинкских соглашений, в частности принцип нерушимости границ в Европе. Специальный круг вопросов, обсуждавшихся в журнале, связан с образованием самопровозглашённых государств — как уже получивших международное признание, так и способных обрести его в будущем. Этот процесс, набиравший силу в Европе со времени распада СССР, затронул стабильные демократии, оказавшись потенциальной проблемой для ряда стран ЕС — для Соединённого Королевства (Шотландия и Северная Ирландия), Испании (Каталония), Франции (Корсика), Бельгии (угроза распада) и других, но стал активно развиваться и в отколовшихся от СССР частях, то есть в большинстве постсоветских государств. С этим связано систематическое освещение в журнале югославского (и проблемы Косово), молдавского (При-

³¹ См.: В фокусе: ветер конституционности над арабским миром // СКО. 2013. № 3(94). С. 12–49.

³² См.: В фокусе: евразийский правопорядок // СКО. 2014. № 5(102). С. 14–28; Векторы интеграции // СКО. 2015. № 3(106). С. 69–91.

днестровье), армяно-азербайджанского (Карабах), грузинского (Абхазия и Осетия) конфликтов. Специальное внимание было уделено конфликту на Украине (Донбасс) и присоединению Крыма к России в 2014 году, причём свою основную задачу редакция усматривала в сбалансированной подаче аргументов (это отражено в вынесенном на обложку названии рубрики — «Крымский многоугольник — за и против»)³³. Соотношение трендов к интеграции и фрагментации рассматривалось в контексте решений международных и национальных конституционных судов с целью выявить доминирующие тренды толкования и соотношение разных аргументационных стратегий. Этой политики в освещении острых вопросов международной повестки редакция намерена придерживаться и в дальнейшем.

Четвёртое — это внимание к *кросс-культурным факторам, определяющим вектор конституционных преобразований*. К числу таких факторов, связанных с глобализацией, следует отнести те, которые, с одной стороны, не поддаются полному контролю международно-правовых институтов, а с другой стороны, находятся вне сферы контроля национальных правительств, отражая при этом вполне реальные трудности разных регионов мира. К ним относятся, прежде всего, глобальные вызовы, связанные с экологией, перераспределением ресурсов, а также технологическими изменениями, меняющими традиционное восприятие мира. В текущее десятилетие наиболее интенсивно обсуждались проблемы мультикультурализма и его перспектив, перемещения населения (в связи с миграционным кризисом в Европе 2015 года, хотя проблема возникла, конечно, гораздо раньше), транснациональной преступности (терроризм, киберпреступность, торговля людьми, органами и другое), происходил поиск ответов на всплески насилия (проявления геноцида, этнические чистки, дискриминация меньшинств) и неконвенциональные формы использования насилия (пиратство, наёмничество, самосуд толпы), на явные и неявные проявления дискриминации по самым различным критериям (религиозным, расовым, национальным, этническим, гендерным, культурным, лингвистическим и т. п.), на технологические формы контроля и подавления (цензура, слежка, создание профилей интернет-пользователей и т. п.)³⁴. В 2020–2021 годах к ним прибавилась проблема глобальной пандемии коронавируса, поставившая значительный ряд вопросов, связанных с международно-правовым регулированием доступа целых глобальных регионов к здравоохранению, с ограничением прав человека и адекватностью применяемых правительствами форм контроля. Все эти вопросы стали предметом внимательного обсуждения в журнале, хотя следует согласиться, что многие из них не получили окончательного решения, заставляя задуматься о расширении междисциплинарных подходов к трансформирующейся правовой реальности современного мира.

Пятое — это методологическая *проблема языка и терминологии современного конституционализма*. Она связана с пониманием того, в какой степени теоретический инструментарий классической правовой науки и сравнительного правоведения описывает современные реалии и насколько сам нуждается в корректировке. Это относится и к наиболее важным понятиям правовой науки, таким, например, как суверенитет, демократия, права человека, федерализм, даже к самому понятию конституции,

³³ См.: *Pro et contra*: изменение статуса Крыма // СКО. 2014. № 5 (102). С. 56–96.

³⁴ Обращение к этим темам в журнале имело место и ранее: Свобода слова и религия // СКО. 2006. № 4 (57). С. 87–111; Право и информационные технологии // СКО. 2006. № 1 (54). С. 94–118; В фокусе: права и гражданство // СКО. 2010. № 5 (78). С. 51–86; В фокусе: право и религия // СКО. 2010. № 6 (79). С. 37–75; В фокусе: вопросы гражданства и миграции // СКО. 2011. № 4 (83). С. 54–78. Особенностью их современной трактовки является, скорее, переход от анализа правовых принципов и законодательства к практике их реализации в различных социальных контекстах.

представленным в несовместимых трактовках. Данные вопросы поставлены многими авторами в связи с разными поводами: насколько представления о классической либеральной демократии, парламентаризме и гражданском обществе, созданные в Западной Европе в период буржуазных революций XVIII—XIX веков и положенные в основу современного правового порядка, адекватно описывают правовую и политическую реальность современного глобализирующегося мира; сводится ли современный конфликт к тому пониманию противостояния демократии и авторитаризма, который был актуален в период холодной войны XX века; является популизм простым отрицанием демократического конституционализма или, возможно, программой возвращения к его аутентичным историческим и более консервативным формам, основанным на восстановлении в полном объёме принципа государственного суверенитета?

Данные вопросы продолжены рядом новых: в какой мере новые технологии социального управления, контроля и манипулирования сознанием (психологические, информационные, политические) остаются в руках национальных правительств и элит, а в какой — выражают степень их вовлечённости в систему глобального управления; способны ли традиционные механизмы конституционного регулирования поддерживать стабильность в распадающемся и атомизированном глобальном социуме, или дело идёт к переформатированию самих этих механизмов с учётом новизны и опасности вызовов? Эти и другие проблемы напрямую связаны с ответом на вопрос о теоретической, семантической и герменевтической составляющих познания конституционных явлений, в частности с определением логического объёма и проблемной области понятия сравнительного конституционного права.

7. Российский и постсоветский конституционализм в сравнительной перспективе

Российский конституционализм, как и конституционализм других постсоветских стран, всегда был магистральной темой журнала, начало выпуска которого неслучайно пришлось на 1993 год — год принятия действующей российской Конституции. Задача состояла именно в том, чтобы предложить обществу объяснение российской конституционной революции в контексте мировых изменений, выявив проблемы, актуальные для постсоветской России и окружающих её стран.

В центре внимания оказались следующие вопросы: *российский конституционный кризис и возможности выхода из него правовыми и политическими методами*; принятие Конституции России и внимательный анализ её положений в сравнительной перспективе всех восточноевропейских стран; федерализм и регионализм в процессе становления; реформа правовой системы и политический процесс в России (избирательное право и выборы, программы политических партий по вопросам конституционных преобразований); формирование новых органов власти — Государственной Думы, Совета Федерации, Конституционного Суда, формирование конституционного правосудия; статус и полномочия Президента в системе разделения властей; особенности российского политического режима и механизма власти в новой России. Подведение промежуточных итогов постсоветского российского конституционализма в первое, второе и третье десятилетия его развития совпадало с подведением итогов работы самого журнала, позволяя понять практическое значение российской Конституции³⁵. Однако ряд

³⁵ См.: Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М.: ЦКИ МОНФ, 1997.

направлений исследований и публикаторской практики имел постоянное значение — место российской конституционной модели в сравнительном контексте; механизм отношений гражданского общества и государства; анализ российской системы правления и её особенностей; вопросы федерализма, бикамерализма и регионализации; судебные и административные реформы; практика судебного правосудия³⁶.

Место российской конституционной модели определялось в категориях сравнительного конституционализма, позволяющих выстроить типологию исторических и современных конституций, основанных на континентальной или англосаксонской правовых традициях, опирающихся на позитивную или негативную теорию прав, договорных или октроированных, в конечном счёте — ориентированных на защиту прав личности или приоритеты государственной власти. Эти общие хрестоматийные категории нуждались, конечно, в более пристальном анализе с учётом ряда других факторов постсоветского региона и особенностей переходного периода, таких как фундаментальный ценностный раскол в обществе, принципиально различные концепции конституционализма и существование серьёзных угроз подмены реального конституционализма его номинальными или мнимыми формами³⁷. В ситуации конституционного кризиса 1993 года, равно как и в рамках последующего развития российского конституционализма, это делало важным специальный анализ противоречий конституирующей и конституционной властей, динамики правосознания общества, основных этапов преобразований, представленных конституционными реформами 2008, 2014 и 2020 годов, дававших основания рассуждать о соотношении конституционных и неконституционных поправок и практик судебного толкования. Опыт процессов перехода от авторитаризма к демократии в других странах не всегда оказывался убедителен в российском контексте, что требовало корректировки объясняющих подходов. Если на начальной стадии развития журнала основной парадигмой этих изменений выступала теория демократического транзита (как безальтернативного и линейного движения к либеральной демократии), то в дальнейшем она сменилась теорией конституционной цикличности, позволявшей учитывать регрессивные тенденции в конституционном развитии вплоть до возможного возврата вспять к исходным формам мнимого конституционализма и авторитаризма.

Отношения общества и государства обсуждались в контексте социальных основ конституционализма: готово ли общество к принятию нововведений; какие социальные и культурные факторы определяют его позицию по отношению к правовым преобразованиям; чем объясняется консервативная реакция на значимые конституционные преобразования — исторической пассивностью, стремлением к восстановлению стабильности, недостатками в правовом просвещении; от чего зависит запрос на конституционные преобразования в разных слоях и группах общества; можно ли управлять этими процессами? Эти и подобные вопросы часто обсуждались на страницах журнала и сохраняют значение до настоящего времени, как показывают, в частности, противоположные оценки конституционной реформы 2020 года³⁸. В новейший период консервативного поворота они, возможно, приобрели даже большую актуальность, затрагивая такие темы, как особенности культурных традиций, правовой идентичности, влияния новых информационных процессов на конструирование правовой реальности. Мы на новом

³⁶ См.: Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России. М.: Институт права и публичной политики, 2005.

³⁷ См.: В фокусе: к юбилею российской Конституции // СКО. 2008. № 2(63). С. 4–116; В фокусе: Конституция России: извилистый путь познания // СКО. 2013. № 6(97). С. 21–54.

³⁸ См.: Метаморфозы Конституции России // СКО. 2020. № 3(136). С. 33–96; Метаморфозы Конституции России // СКО. 2020. № 4(137). С. 80–97.

уровне возвращаемся к первоначальным спорам о роли государства в переходный период: тогда (в 1990-е годы) одни доказывали, что она должна быть значительна, направляя переходные процессы в экономике; другие, напротив, полагали, что она должна быть минимальной, с учётом выработки спонтанных механизмов рыночной саморегуляции; третьи предпочитали решать этот вопрос в зависимости от степени готовности соответствующих стран к принятию новых стандартов рыночной экономики. Теперь (в 2020-е годы) стало ясно, что дело не сводится к экономике — значительное число государств мира (включая Россию) добились существенного прогресса в экономике, не став при этом полноценными конституционными демократиями.

В этом контексте понятны *споры о системе правления* — обсуждение преимуществ парламентской, смешанной и президентской систем в контексте реформ в ЦВЕ, а также появления так называемого сверхпрезидентства в ряде постсоветских стран (в частности, одним из первых примеров стал политический режим Белоруссии). Если большинство стран ЦВЕ приняли парламентские или парламентско-президентские системы, то Россия и другие страны постсоветского региона выработали своеобразную модель правления, характерные черты которой стали предметом обсуждения во многих публикациях журнала. Данная модель особенно интересна для компаративистов тем, что имеет выраженные признаки всех других — смешанной, президентской и её сверхпрезидентской формы, однако не тождественна им, представляет собой оригинальную комбинацию их признаков, а на деле демонстрирует интересный вариант конституционного авторитаризма, трансформированный последними поправками в режим конституционной диктатуры.

На страницах журнала поставлен ряд интересных вопросов: является эта модель оригинальной или имеет аналоги в других регионах мира; каковы близкие к ней исторические формы правления в виде цезаризма, бонапартизма и режимов персоналистского правления; её появление связано с изначально закреплённой в конституции структурой разделения властей либо стало результатом трансформации постсоветского общества и государства или, возможно, внешних вызовов ему; каков баланс недостатков и преимуществ данной модели в краткосрочной и долгосрочной перспективах? От решения этих вопросов во многом зависит *оценка разноректорных тенденций, представленных в других странах постсоветского региона*, — оппонировавших российской модели в ходе «цветных революций» (Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия, Украина), стремившихся добиться её эволюционной модификации (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан) или сохранивших и даже укрепивших её основы во имя поддержания стабильности (Белоруссия, Туркмения, Таджикистан). До какой степени авторитарный вектор конституционных процессов вытекает из глубокой правовой традиции, связан с советским прошлым или вызван попытками адаптации к новым геополитическим трендам? Журнал последовательно освещал эти параметры правовой трансформации в регионе, представляя страницы авторам из этих стран, писавших о важнейших конституционных реформах и поправках.

8. Формирование государственного строя постсоветской России на страницах журнала

Совершенно очевидно, что конституционные нормы фиксировали общие рамки российской государственности, но их содержание трансформировалось по мере реализации в сложный переходный период 1990-х — начала 2000-х годов, когда под вопрос оказалось поставлено само единство государства. Журнал стремился отразить эти противо-

положительные тренды и осмыслить их с позиций не только конституционализма, но и борьбы политических тенденций к централизации и децентрализации.

Российский федерализм и регионализация — предмет многих выпусков журнала. В отличие от большинства постсоветских стран, решавших проблемы декоммунизации в рамках унитарных государств, российский вариант транзита выдвигал на первый план проблему федерализма. Она могла быть решена с противоположных позиций — с позиций договорной или конституционной теорий, основой которых становились Федеративный договор 1992 года и ранее принятые декларации о суверенитете ряда республик, с одной стороны, и Конституция 1993 года — с другой. Этим объясняется внимание авторов к соотношению двух трендов в конституционной и исторической динамике. В журнале подробно раскрыто содержание конституционной модели российского федерализма с указанием её общих черт с другими вариантами симметричных и асимметричных федераций, а также отличий от них. Однако одновременно с этим реконструируются и исторические (советские) предпосылки федеративной модели³⁹.

Специальным направлением исследований начального этапа неслучайно стал регионализм — *конституционное измерение российских регионов*, многим из которых посвящены специальные работы: Москва, Калининградская область, Свердловская область, Татарстан, Ростовская область, Красноярский край, Ставропольский край, Алтайский край, Башкирия, Приморье, Эвенкийская автономная область, Ульяновская область, Удмуртская республика, Курская область, Новосибирская область и другие. В ситуации так называемого «парада суверенитетов», проходившего в стране в 1990-е годы и актуализировавшего многие положения теории договорного федерализма, эти исследования выявляли различные модели конституционной организации регионов (их конституции и уставы), позволяя проводить типологию региональных политических режимов⁴⁰. Предметами исследований в журнале стали функционирование децентрализованной системы конституционной юстиции⁴¹, выстраивание отношений федеральных, региональных и муниципальных органов власти, распределение собственности между ними, бюджетный федерализм⁴², реформирование налогового законодательства⁴³. Сложность российской ситуации объяснялась сочетанием перехода к конституционному строю с необходимостью одновременного выстраивания федерализма, параметров рыночной экономики и проведения административной и судебной реформ⁴⁴. Это выдвигало на первый план задачи институционального проектирования⁴⁵.

Начиная с 2000-х годов по мере усиления федерального центра и его контроля над регионами в центре внимания оказались *вопросы унификации региональных конституционных стандартов* (в рамках их приведения в соответствие с Конституцией РФ). Центральными темами этого периода стали *вопросы бикамерализма* — изменения порядка формирования и места Совета Федерации в политической системе, причины невостребованности им собственных конституционных полномочий, а также места в си-

³⁹ См.: Федерализм // СКО. 2005. № 2(51). С. 102–127.

⁴⁰ См.: Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: Межрегиональный семинар, Великий Новгород, март 2000 : сб. докладов. М. : ЦКИ МОНФ, 2000.

⁴¹ См.: Региональная конституционная юстиция в России // СКО. 2013. № 6(97). С. 95–112.

⁴² См.: В фокусе: модели фискального федерализма // СКО. 2015. № 2(105). С. 11–44.

⁴³ Право собственности и обязанность платить налоги стали приоритетной темой ряда статей, см.: СКО. 2004. № 4(49).

⁴⁴ См.: Изменение и консолидация рыночного законодательства в контексте развития конституционного строя и судебной реформы в России : аналитический доклад. М. : Институт права и публичной политики, 2003.

⁴⁵ См.: Конституционное развитие России: задачи институционального проектирования : сб. научных статей / отв. ред. и сост. Н. Ю. Беляева. М. : ТЕИС, 2007.

стеме разделения властей⁴⁶. Эти вопросы обсуждались в рамках сравнительного би-камерализма (функционирование двухпалатных парламентов), призванного установить типологию его сильных, слабых и умеренных форм, а также способности отражать региональные интересы при разных моделях децентрализованных государств⁴⁷.

В том же русле шёл анализ ряда крупных реформ — земельной, судебной и административной, местного самоуправления и политических партий. Первая реформа, связанная с принятием Гражданского кодекса, и особенно Земельного кодекса 2001 года, бросила вызов монополии регионов (и их элит) на их земельную собственность и ресурсы, проводя конституционный принцип частной собственности на землю и формируя основы соотношения конституционных принципов социального государства и рыночной экономики⁴⁸. Вторая реформа последовательно реализовала принцип прямого действия Конституции в регионах, проводя идеи презумпции невиновности, независимости и несменяемости судей, хотя позднее многие её достижения были ограничены в период так называемой судебной контрреформы 2005 года⁴⁹. Третья реформа (2001—2005) оказала серьёзное воздействие на централизацию власти — на создание федеральных округов, введение единой вертикали власти, наделение Президента правом роспуска законодательных ассамблей и смещения избранных губернаторов, ставя в порядок дня вопросы реорганизации государственной службы⁵⁰ и административной юстиции⁵¹. Четвёртая реформа выстраивала демократическую систему местного самоуправления, автономного от главы региона (2003), впрочем, вскоре столкнувшегося с тенденциями к его бюрократизации⁵². Пятая реформа, связанная с принятием закона о политических партиях (2001), исключила возможность их создания по региональному принципу, выбив почву из-под ног ранее всемогущих местных губернаторов. В сочетании с изменениями избирательного законодательства⁵³ эти реформы закладывали более жёсткие рамки интерпретации политического плюрализма, партийного строительства и правил политической конкуренции⁵⁴, ставя вопрос о роли и месте политической оппозиции, актуализировавшийся на волне оппозиционных выступлений в 2011 году. В этом контексте в пользу федерального центра были пересмотрены вопросы введения чрезвычайного положения, федеральной интервенции и прерогатив Президента. Все эти ре-

⁴⁶ См.: Парламентаризм // СКО. 2005. № 4 (53). С. 40—80.

⁴⁷ См.: овет Федерации: эволюция статуса и функций / отв. ред. Л. В. Смирнягин. М.: Институт права и публичной политики, 2003.

⁴⁸ См.: Форум: социальное государство // КПВО. 2003. № 1 (42). С. 42—102; В фокусе: экономические аспекты конституционализма // СКО. 2009. № 5 (72). С. 25—86; В фокусе: философия права и конституционная экономика // СКО. 2010. № 2 (75). С. 41—69; В фокусе: новые грани права собственности // СКО. 2010. № 4 (77). С. 36—86.

⁴⁹ См.: Судебная реформа в России // КПВО. 2002. № 2 (39). С. 30—60; Судебная власть в России // СКО. 2004. № 4 (49). С. 119—154. Вопросы организации судебной власти и судебных реформ далее рассматривались в ряде выпусков журнала.

⁵⁰ См.: Российские реформы и консолидация законодательства // СКО. 2004. № 4 (49). С. 155—181.

⁵¹ См.: Становление административной юстиции в России // КПВО. 2002. № 2 (39). С. 61—84; 2002. № 4 (41). С. 120—150; В фокусе: административная юстиция // СКО. 2005. № 2 (51). С. 26—59; В фокусе: Россия в поисках административной юстиции // СКО. 2007. № 1 (58). С. 42—86; В фокусе: реформа административной юстиции в России // СКО. 2013. № 4 (95). С. 93—119.

⁵² См.: Реформа местного самоуправления в России // КПВО. 2003. № 3 (44). С. 138—151; Точка зрения: местное самоуправление в России // СКО. 2005. № 2 (51). С. 91—101; Местное самоуправление в России // СКО. 2005. № 3 (52). С. 127—148; Местное самоуправление // СКО. 2008. № 6 (67). С. 111—152; Местное самоуправление в России // СКО. 2009. № 5 (72). С. 95—121; В фокусе: новый виток муниципальной реформы? // СКО. 2016. № 5 (114). С. 14—71 и др.

⁵³ См.: Избирательная система: российская модель // СКО. 2005. № 2 (51). С. 128—151.

⁵⁴ См.: В фокусе: политическая конкуренция // СКО. 2011. № 1 (80). С. 63—85; В фокусе: политический плюрализм // СКО. 2011. № 6 (85). С. 54—81.

формы, получавшие в момент их проведения (совпавшего с осмыслением причин двух войн в Чечне) совершенно неоднозначные оценки, позволили журналу отразить широкую палитру мнений по вопросам регулирования основ собственности и бизнеса⁵⁵, государственного управления⁵⁶, внутренней политики, увязав сложные темы конституционализма с эволюцией политических установок, избирательного законодательства и судебной практики, формирующих особенности российского сверхцентрализованного политического режима⁵⁷. Сегодня, когда многие говорят о почти полной деконституционализации принципа федерализма в России, исследования, опубликованные в начале 2000-х годов, выглядят чрезвычайно свежо, показывая реальную конфликтную динамику и трудности процессов формирования нового государственного строя.

В дальнейшем, особенно начиная с 2014 года, журнал последовательно раскрывал *реализацию основных конституционных принципов* — суверенитета, демократии, собственности, правового государства, разделения властей, федерализма, местного самоуправления, независимости судебной власти, прав и свобод личности. В этом контексте в журнале был поднят ряд вопросов, связанных с проведением принципов правового государства и равенства перед законом в очень разных сферах правового регулирования, например реформирование отраслевых кодексов (гражданского, земельного, уголовного, уголовно-процессуального) в процессе конституционализации отраслевого права. Было наглядно продемонстрировано, как это реформирование затрагивает отношения государства и церкви, власти и оппозиции, регулирование прав собственности и бизнеса, вопросы гражданства, гарантии прожиточного минимума, авторское и патентное право, избирательное право и роль Центральной избирательной комиссии в проведении выборов, парламентские регламенты, партийное строительство и статус НКО, регулирование государством СМИ и Рунета.

В поле зрения журнала всегда находились *реформы суда и прокуратуры*, административной юстиции, ювенальной юстиции, создание суда присяжных, мировые суды, пенитенциарная система и адвокатура, организация бесплатной юридической помощи населению, конституционная жалоба как инструмент отстаивания прав и многие другие (включая, например, религиозные суды исламских стран, суды революционной совести революционных режимов, адат и суд аксакалов у горских народов Кавказа, квазисудебные институты самопровозглашённых государственных образований в разных точках мира). Одной из приоритетных тем стало освещение деятельности судов присяжных и российской адвокатуры⁵⁸. Не имея возможности здесь перечислить даже темы этих многочисленных исследований, мы констатируем, что они имели системный характер, включали не только анализ нормативных изменений, но и правоприменительную практику, охватывая деятельность органов законодательной и исполнительной властей, судов, а также соотношение формальных и неформальных практик.

Эти исследования, результаты которых были обобщены в серии коллективных трудов к 20-летию Конституции (2013)⁵⁹, позволили выявить ситуацию конституционного

⁵⁵ См.: Конституционно-правовые основы собственности и предпринимательства: проблемы реализации : сб. докладов. М. : Институт права и публичной политики, 2010.

⁵⁶ См.: Страна после коммунизма: государственное управление в новой России : в 2 т. М. : Институт права и публичной политики, 2004.

⁵⁷ См.: В фокусе: конституционные принципы на перекрестке права и политики // СКО. 2013. № 1(92). С. 30–64.

⁵⁸ См.: Форум: право на адвоката и стандарты правосудия // СКО. 2015. № (108). С. 58–86.

⁵⁹ См.: Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / под ред. А. Н. Медушевского, послесл. В. Б. Пастухова. М. : Институт права и публичной политики, 2013.

параллелизма — разделить ту сферу отношений, где конституционные нормы получают реализацию, и ту, где они постепенно угасают, если не становятся мёртвой нормой⁶⁰. Это побудило нас сформулировать *программу конституционных реформ*, направленных на преодоление диспропорций и модернизацию российского конституционного строя⁶¹.

9. Сравнительное конституционное правосудие — магистральное направление деятельности журнала

Обращение журнала к трём ключевым темам — теории конституционных изменений, взаимосвязи нормативных конструкций с политическими институтами и роли судебной практики — в концентрированном виде представлено в *сравнительном изучении конституционного правосудия*.

В новейшее время именно конституционные суды определяют степень адекватности правовой нормы задачам построения правового государства, противостоя всем попыткам его неконституционной трансформации. Уже в первых номерах журнала (тогда — КПВО) обсуждалось становление конституционного правосудия в посткоммунистических странах (Венгрия, Румыния, Польша, Прибалтика, Грузия и Украина и прочие), а акцент был сделан на следующую тему: независимость судебной власти и исполнение решений конституционных судов как системная проблема во всех странах Восточной Европы. В фокусе находился вопрос о смертной казни — победят ли её сторонники аболиционисты с учётом острой дискуссии, которая велась во всех постсоветских странах и России. В России, как известно, она завершилась на том этапе решением Конституционного Суда о введении моратория на применение смертной казни — в соответствии с позицией ЕС и вопреки сторонникам этой меры наказания, отстаивающим эту меру и сегодня⁶².

В последующее время компаративный подход был расширен включением *всего круга проблем конституционного правосудия* — сравнения континентальной и англосаксонской моделей, абстрактного и конкретного нормоконтроля, его осуществления в предварительном и последующем порядке, теории и практики судебного толкования конституций, механизмов принятия судебных решений и их значения для развития конституционного права. В этом контексте систематически анализировались решения европейских судов — ЕСПЧ, Федерального конституционного суда Германии, Конституционного совета Франции, становление конституционного правосудия в Бельгии и т. п., а также англосаксонских стран — верховных судов США, Канады, Великобритании, Австралии и многих других, включая Верховный суд Израиля, а также институты контроля конституционности многих стран Азии, Африки и Латинской Америки. Среди приоритетных вопросов сравнительных исследований находились проблемы определённости права, независимость, эффективность и качество правосудия, порядок формирования судов, их доктринальные установки и решения, имеющие прецедентный характер, использование различных принципов толкования и аргументации, национальных и иностранных источников права; их общий вклад в развитие конституционализма, а также

⁶⁰ См.: Конституционный мониторинг: концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года / под ред. А. Н. Медушевского. М.: Институт права и публичной политики, 2014.

⁶¹ См.: Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: аналитический доклад / отв. ред. А. Н. Медушевский. М.: Институт права и публичной политики, 2014.

⁶² См.: Смертная казнь: победят ли аболиционисты? // КПВО. 2004. № 2(47). С. 122—146.

вопросы легитимности конституционных судов и их решений в контексте принципа верховенства права.

Вполне логично было адресовать сходные вопросы *конституционным судам постсоветских стран*, имея в виду не только юридическую, но и политическую составляющую их деятельности. Напряжение между этими составляющими стало ясно уже в начале переходных процессов, когда юридически корректные решения конституционных судов вступали в противоречия с эффективными технологическими решениями парламентов и правительств, направленными на ускоренную модернизацию их стран. Однако, как показано в ряде статей журнала, это напряжение достигло наивысшего проявления в новейший период — в условиях нелиберальной трансформации в Венгрии после 2011 года, и особенно в ситуации конституционного кризиса в Польше 2015 года⁶³, трудностей в обретении конституционными судами подлинной независимости в Румынии, Болгарии, всех странах бывшей Югославии, сбоях в их деятельности в странах Прибалтики и ряде других постсоветских государств. Журнал подробно освещал динамику конституционного правосудия в странах, обретших суверенитет с крушением СССР, — Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, в государствах Средней Азии. В некоторых из них (как это было в России периода конституционного кризиса 1993 года) политизация конституционного правосудия достигла наивысших пределов, доходя до активного вовлечения конституционных судов в борьбу за власть и выбор путей национального развития и до фактического их превращения из негативного законодателя в позитивного либо, напротив, в попытках полного пересмотра и даже ликвидации конституционных судов. Это ставит общую проблему легитимности конституционного правосудия, соотношения правовых и политических параметров их деятельности, а также границ юридического активизма. Если ранее упор авторов журнала делался на универсальные стандарты правосудия, под которыми понимались, в сущности, стандарты ЕС и Совета Европы (ЕКПЧ) и их реализация ЕСПЧ, которые предполагалось просто «имплементировать» в национальном законодательстве и судебной практике⁶⁴, то в последнее десятилетие, начиная с 2012 года, акцент переместился на выявление специфики национальных моделей конституционного правосудия, включая их конфликты с международными судами⁶⁵.

В этой сравнительной перспективе анализ теории и практики Конституционного Суда РФ стал мощным самостоятельным направлением исследований и публикаций, присутствуя практически в каждом номере журнала. Среди *теоретических вопросов*, поставленных в этой области, следует выделить обсуждение основных доктрин конституционного правосудия — разумности, пропорциональности и взвешивания; пассивности и активизма судов; взаимодействия общих институциональных факторов (места судов в системе разделения властей); законодательных полномочий и порядка их комплектования; используемых методов толкования, а также роль психоэмоциональных факторов в принятии решений⁶⁶. Другой стороной вопроса всегда выступала проблема реализации решений международных и конституционных судов, которая в постсоветском регионе имела существенную специфику, связанную с высоким потенциалом экстраконституци-

⁶³ См.: Судебный конституционализм // СКО. 2017. № 1 (116). С. 64–79.

⁶⁴ См.: Форум: стандарты Совета Европы и Россия // КПВО. 2001. № 2(35). С. 48–93; Стандарты Совета Европы и российское право // КПВО. 2003. № 3(44). С. 78–106; В фокусе: имплементация решений Страсбургского суда // СКО. 2006. № 1 (54). С. 33–93.

⁶⁵ См.: В фокусе: Россия и Европейский Суд по правам человека: декада перемен // СКО. 2012. № 5(90). С. 43–136; Форум: европейское правосудие и национальное право // СКО. 2013. № 4(95). С. 49–92.

⁶⁶ См.: В фокусе: баланс и пропорциональность // СКО. 2011. № 3(82). С. 59–81.

онных элементов правового регулирования, широтой административного усмотрения и присутствием неформальных практик, в том числе в самой судебной системе⁶⁷. Если ранее речь шла чаще всего о фактическом неисполнении решений конституционных судов, то в дальнейшем возникла проблема формального исполнения их решений, игнорирующего содержание правовых принципов и ведущего к их деформациям.

Апробация этих идей журналом осуществлялась, прежде всего, на *материале российского конституционного правосудия*. Конституционный Суд РФ, созданный в 1991 году и воссозданный на новых основаниях в 1994 году, самим фактом своего существования знаменовал возможность оспаривания неконституционных законодательных норм или их изменений, неоднократно продемонстрировав это и отстояв свою исключительную роль интерпретатора Конституции в конкуренции с Верховным и Арбитражным судами. Своими позициями по наиболее значимым вопросам, регулярно комментируемыми авторами журнала, Конституционный Суд закладывал последующие изменения конституционного законодательства. Значимые решения Суда по наиболее острым вопросам воспринимались как своего рода прецеденты (если не решений, то интерпретации) и, следовательно, во многом определяли политику права. Наконец, Конституционный Суд тесно взаимодействовал с Центром конституционных исследований и нашим журналом, проводя с ним совместные международные конференции, а ряд судей выступал авторами статей по широкому кругу вопросов. Это сотрудничество Конституционного Суда и журнала прошло разные стадии — от большего к меньшему взаимодействию, но на всех этапах позволяло добиться важной цели, заключающейся в том, чтобы оценить теоретические конструкции академического характера через призму практических решений и аргументов действующих судей, в том числе тех, которые придерживались особых мнений и публиковали их (до прекращения этой практики в 2020 году)⁶⁸.

Это позволяло сфокусировать исследования именно на тех судебных доктринах и решениях, которые раскалывали общественное мнение, позволяя мобилизовать аргументацию противостоящих позиций в споре. Так обстояло дело в ходе событий конституционного кризиса 1991—1993 годов, процесса над КПСС, войны в Чечне, дела ЮКОСа, решения вопроса о конституционной модели федерации и оценке конституционности перехода к фактическому назначению губернаторов, решения вопроса о применении смертной казни, судьбы пенсионной реформы, создании особого кластера НКО — иностранных агентов, определения прав оппозиции на проведение демонстраций, митингов и шествий, выстраивания отношений с ЕСПЧ, в том числе по делам против России, с последующим выходом из-под его юрисдикции, оценки конституционности поправок 2020 года, в частности обнуления полномочий Президента.

Все эти темы, если называть только основные из них, ставшие предметом подробного освещения в журнале, включали не только сравнительный анализ позиций иностранных и российского конституционных судов, но и осмысление принципов конституционного толкования, соотношения права и политики в конкретных решениях, оценку границ судебного активизма и степени независимости его проявления, веса приводимых аргументов и, в конечном счёте, их значения во внутренней и внешней политике государства. Юридизация политики и политизация права — вот Сцилла и Харибда современного политического процесса, изучение которого предполагает обращение не только к эффективности решений, но и к их конституционной легитимности. Констатируя дефицит этой

⁶⁷ См.: Форум: исполнение решений конституционных судов // КРОВО. 2002. № 3(40). С. 40—76.

⁶⁸ Подробнее об этой эволюции см.: Конституционный Суд России: осмысление опыта / под общ. ред. А. Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2022.

легитимности на транснациональном и национальном уровнях, журнал концентрирует усилия на выработке её стандартов, критериев измерения и оценки.

10. Журнал в системе научных коммуникаций

Журнал характеризуется общей преемственностью предмета, метода, проблематики исследовательской и публикаторской деятельности — всё это качества, составляющие его несомненное достоинство как устойчивого проекта. *Предметом исследования* всегда был конституционализм в самом широком понимании (как теория, совокупность принципов и норм, а также социальная практика их разработки и реализации), *методом* выступал сравнительный правовой анализ (хотя и включающий различные теоретические обоснования), а *проблематика* охватывала совокупность изменений в конституционно-правовой сфере общественной жизни, но варьировалась в зависимости от актуализации проблем в науке и практике. *Цель журнала* также оставалась неизменной — это строгий научный анализ с выработкой рекомендаций экспертного сообщества для законодателей, политиков и судей, а также поддержка определённых образовательных инициатив по продвижению демократических ценностей, правового сознания и конституционализма.

Проанализировав три этапа истории журнала, можно убедиться, что общая преемственность его тематики, задаваемая методом сравнительного правоведения, не только не исключает обновления проблематики, но даже ставит его в качестве задачи, решение которой состоит в отражении новых идей научной мысли, изменения нормативной базы и политики права в обществах разного типа. На первом этапе существования журнала (1993—2003) данная задача определялась как информирование общества о трансформации политического строя стран Восточной Европы в направлении принятия рыночной экономики, либеральной демократии и конституционализма. На втором этапе (2004—2013) она включала расширение проблематики за пределы постсоветского региона и критический анализ существующих моделей с позиций их взаимоотношения между собой и с формирующимся постнациональным правом. На третьем этапе (2014—2023) это открыло возможность перейти к синтезу — систематическому анализу процессов глобальной интеграции и фрагментации, новых факторов, определяющих перспективы конституционализма (глобального, регионального и национального) в будущем мировом порядке.

Журнал существует не в вакууме чистой академической мысли — отражая мировые процессы, он, вольно или невольно, вынужден учитывать меняющиеся императивы российской политики. В связи с этим общая логика развития журнала вписывается в модель конституционной цикличности, включающую три фазы: решительный отказ от старого конституционного наследия (в виде номинального советского конституционализма); принятие и развитие новой парадигмы (заложенной Конституцией 1993 года, принципы которой реализовались в практике периода реформ); осмысление текущей фазы реконституционализации — реставрационных тенденций конституционного развития, способных затормозить продвижение конституционализма или даже вернуть его к исходной точке начала постсоветского цикла правовых преобразований. В этих условиях особое значение имеет выверенность критериев оценок, доказательность аргументации и обоснованность выводов, позволяющие избежать субъективных эмоциональных оценок и двигаться по пути, указанному Спинозой, — «не радоваться, не печалиться, но понимать».

На всех этапах истории своего развития журнал основывался на единых ценностных стандартах (их можно определить как классический либерализм); одинаковом понимании своей миссии (продвижение идей правового государства, верховенства права и конституционализма в мировом и российском обществе); профессиональных критериях (академических) и вкладе в политику (продвижение реформ по модернизации правовой системы постсоветских государств). Практическое достижение этих целей считалось возможным путём создания на базе журнала аналитического центра — *Центра конституционных исследований*, функции которого включают накопление информации (базы данных по постсоветскому конституционализму), создание интернационального экспертного сообщества (объединения российских и иностранных экспертов из десятков стран на разных континентах), координацию взаимодействия российских и иностранных институтов изучения конституционализма, учёных, политиков и судей, постоянное ведение независимого мониторинга конституционных новостей (который публикуется во всех номерах), обобщение и критический анализ важнейших реформ в области конституционализма и политики права, литигацию (помощь в подготовке и ведении судебных дел, связанных с защитой конституционных прав), а также проведение образовательных программ, конференций и конкурсов молодых исследователей по сравнительному конституционному праву (наиболее известным из которых стал конкурс «Хрустальная Фемида»).

Журнал, таким образом, не просто координировал и отражал эту работу, но одновременно на её основе расширял свой научный и экспертный потенциал, стремясь воздействовать не столько на массы (в целом индифферентные к конституционной проблематике), сколько на сознание элиты, просвещённой бюрократии, судейского корпуса и академического сообщества в целом. Так сформировался некоторый идеальный тип того, к чему следует стремиться, — своего рода «прагматическая утопия», без которой трудно отделить важное от второстепенного, провести селекцию приоритетов и обеспечить устойчивую преемственность в достижении главных целей. Преимуществами журнала, по общему признанию, выступают глобальный охват проблематики сравнительного конституционного права; междисциплинарный характер; сочетание переводных и оригинальных статей; анализ конституционного права не только с позиций юриспруденции, но и с политической и институциональной точек зрения; несомненная связь с практикой реформ и конституционным правосудием в разных странах; споры и дискуссии, в том числе на веб-сайте, эмоциональная острота которых сопоставима только с их научной беспристрастностью. В целом журнал — это полноценная информационная база данных о научных центрах, исследователях, образовательных программах и интернациональных коммуникациях по всем значимым аспектам конституционализма.

С позиций социологии науки журнал отвечает всем основным критериям успешного научного проекта — как по российским, так и по международным меркам. Он впервые выдвинул и систематически развивает методологию сравнительного конституционализма применительно к важному и специфическому глобальному региону — постсоветскому, имеющему большую и очевидную специфику в становлении и продвижении идей правового государства, верховенства права и прав человека. Данный журнал — единственное периодическое издание в этой области, которое существует столь длительное время (тридцать лет!) без всяких перерывов и отклонений, сохраняя преемственность, но в то же время реагируя на изменения. Достижениями журнала признаются: формирование основ научно-педагогического направления — российского сравнительного конституционализма; восстановление академической традиции Российской империи, разорванной в советский период; создание школы исследователей, группирующихся

вокруг журнала, разделяющих его цели и устремления; систематическое беспристрастное изучение и критический анализ достижений и недостатков конституционализма; выработка рекомендаций по реформированию российской правовой и общественной системы; связь поколений исследователей разных возрастов. Журнал — полноценный научный центр, где проходят апробацию новые идеи, научные и образовательные проекты, формируется школа сравнительного конституционного правоведения.

11. Конституционализм как призвание и профессия в России

Анализ развития журнала «Сравнительное конституционное обозрение» за тридцать лет заставляет задуматься о перспективах его деятельности в будущем. Очевидно, что эта деятельность неотделима от перспектив самого конституционализма, которые вызывают растущую тревогу во всемирном масштабе и в России. Если, как полагают некоторые, мы уже живём в эпоху дивного нового мира, реализовав оруэлловскую антиутопию глобального Левиафана, то правовое государство — это Химера, оно оказывается не нужно, а наступающие «сумерки конституционализма» *a priori* делают миссию журнала невыполнимой. Для сторонников этой позиции, число которых резко выросло в последнее десятилетие, мы вступаем в новую эпоху «крови и железа», конституционализм остаётся книгой за семью печатями, сданной в архив, а его изучение — слабый ответ наивных идеалистических устремлений предшествующих либеральных мыслителей.

Однако согласиться с этим тезисом — значит отвергнуть достижения тысячелетней человеческой цивилизации, одним из которых является фундаментальное значение права как формы общественного сознания и социальной организации. Если нормативная организация общества по каким-то причинам перестаёт действовать, наступает хаос (как это бывает в эпохи смут и революций), который, раньше или позже, неизбежно завершается принятием новой нормативной системы как элементарной предпосылки выживания человечества. Современная ситуация в мире ставит нас перед этим выбором: в условиях кризиса международного права, роста популизма, эрозии правового государства и установления нелиберальных систем правления во многих странах мира, действительно, может сложиться впечатление о глобальном отступлении конституционализма. Но это значит только то, что речь должна идти о поиске новой концепции конституционализма, которой суждено дать ответ на вызовы глобализации. Вопрос в том, какой ответ и кто будет устанавливать данную концепцию? Поиск решения этого вопроса и составляет смысл деятельности журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

О направлениях этого поиска говорит *тематика дискуссий, проходивших в журнале на разных этапах его развития*. Среди них: философия права и методология сравнительного правоведения; правовая глобализация и регионализация мира; классические модели правового государства и конституционализма с точки зрения их адаптации к современным условиям разных регионов и стран мира; конституционные реформы и их динамика в мире; смысл и реализация основных конституционных принципов — суверенитета, демократии, верховенства права, парламентаризма, федерализма и бикамерализма, местного самоуправления, разделения властей, независимого суда и избирательного права; политические аспекты конституционной трансформации; отношения Европейского Союза, России и стран постсоветского региона; методология и модели конституционного правосудия. Сравнительно новыми темами, связанными с текущими глобальными изменениями, стали: реконструкция правовых традиций регионов мира; правовая идентичность и правовое сознание; право на сопротивление нарушению прав; конституционный популизм и дискриминация; экологическое измерение конституцион-

ных прав; право Интернета и влияние дигитализации на конституционный процесс; биоэтика; конституционализм эпохи глобального экономического кризиса и пандемии; глобальное управление и чрезвычайное положение. Этот перечень будет неполон без указания на вопросы конституционного просвещения. Мы исходим из предположения, что суммарный опыт этих наблюдений даст научному сообществу как минимум представление о новых взаимосвязях конституционных явлений, а как максимум — позволит составить дорожную карту необходимых преобразований. Россия оказывается в центре этих размышлений и не только потому, что журнал издаётся в Москве, но и в силу естественного стремления авторов определить ведущее место страны в формирующемся новом глобальном правовом порядке.

Другая сторона вопроса — *кто такие конституционалисты?* В своё время М. Вебер, обсуждая качества, необходимые для занятия политикой, предложил определить их как *призвание* (внутреннее влечение или страсть) и *профессию* (то есть наличие некоторых рутинных навыков), комбинация которых позволяет индивиду добиться успеха в данной сфере деятельности. Можно предположить, что эти качества должны сопутствовать и настоящему конституционалисту (возможна ведь и *конституционная политика*). Состав постоянных авторов журнала включает разные группы исследователей — теоретиков и практиков; иностранных и русских учёных; представителей крупных академических институтов и университетов, причём как центральных, так и региональных. Эта классификация может стать более дифференцированной с учётом профессиональной деятельности авторов — профессоров, судей разных уровней, адвокатов и правозащитников, депутатов, администраторов и экспертов, вовлечённых в разработку различных законодательных актов и правовых реформ, журналистов, молодых учёных и просто независимых исследователей. Их состав, конечно, менялся с течением времени — некоторые устали, другие отстали по дороге или оказались простыми попутчиками. Но всех, кто постоянно работал в журнале, объединяет ряд общих ценностей, установок и сфера компетенции, определяемая рамками правовой компаративистики. Это наблюдение подтверждается обращением к «коллективному портрету» авторов «Сравнительного конституционного обозрения». Для них, безусловно, характерны высокий уровень идеализма (без него невозможно выстраивание ни одной общей теории или схемы, особенно при осознании трудностей её реализации на практике) и, напротив, низкий уровень материализма (беспристрастные конституционные исследования, как правило, не приносят больших доходов) в сочетании с профессиональной гордостью — ясным осознанием принадлежности к интернациональному научному сообществу, выдвигающему строгие критерии доказательности суждений.

Формулируя эти критерии сегодня, мы осознаём *важность поддержания классических академических традиций прошлого*. Журнал систематически обращается к классике правовой мысли, публикует статьи о выдающихся философах права и конституционалистах — как западных (например, М. Ориу, Р. Карре де Мальберг, Ж. Ведель), так и российских (например, Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, М. Я. Острогорский, В. М. Гессен, Ф. Ф. Кокошкин и другие). В связи с этим на заседаниях редколлегии при обсуждении текущих вопросов часто можно услышать высказывания наподобие следующего: «об этом писал ещё Платон», «это рассуждение в стиле Монтескье», «с этим согласился бы Г. Кельзен», «вы игнорируете позицию Б. Кардозо», «не забывайте об аргументах К. Шмитта» и т. д. А при обсуждении реалий современного российского права нередки обращения к авторитету М. М. Сперанского, А. Д. Градовского, М. М. Ковалевского и других представителей юридической школы периода Российской империи или лидеров конституционно-демократической партии эпохи русских революций начала

XX века. Отвергая советскую традицию номинального права, мы, тем не менее, считаем необходимым её изучение, интерпретацию теории и практики марксистской юриспруденции, о чём говорят подборки статей о советских конституциях, идеях того периода, включая отражение позиций их современных сторонников.

Реконструкция правовой традиции идёт рука об руку с её актуализацией. В ходе наших редакционных дебатов нередки конфликтные умозаключения, отражающие известную обособленность идеологических позиций, традиционное разделение юристов и политологов, сторонников различных правовых и социологических школ. Эти разногласия вполне допустимы в междисциплинарном диалоге и преодолеваются по линии доказательности выдвигаемых положений. Существенный вклад в понимание этих вопросов вносят публикации интервью с известными деятелями, активно участвовавшими в принятии правовых и политических решений эпохи становления современного российского конституционализма. Постоянными рубриками журнала, отражающими текущие процессы, являются: «Этажи демократии», «В фокусе», рецензии и размышления о новых книгах, мониторинг конституционных новостей, а также обзор правовых позиций в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ. Всё это позволяет соотнести сложные правовые конструкции с биением пульса современного российского общества.

Власть и интеллектуалы — традиционная проблема для всякого научного сообщества, причём независимо от места и времени. Особенно важна она для русской интеллигенции как прошлого, так и настоящего. Эта проблема имеет объективный характер — научная мысль опирается на абстрактную рациональность и логику, политическая власть ориентируется на меняющиеся представления общества и интуицию, прежде всего в целях собственного самовоспроизводства. Подходя к своему 30-летию, журнал чётко ощущает эту вечную дилемму конфликтных отношений науки и власти. Какова должна быть его роль в современной российской политике — независимого экспертного центра, действующего без гнева и пристрастия, роль оппонирования власти по наиболее острым вопросам, раскалывающим общество и государство, или же ему следует выполнять функцию философа при монархе? Очевидно, что есть разные позиции по этому вопросу, а сам вопрос, по крайней мере в абстрактной постановке, едва ли может получить окончательное разрешение. Инструментальное решение заключается в понимании политики как процесса принятия решений, в идеале основанного не столько на интуиции, сколько на достоверной информации и научном прогнозе. Мы исходим из того, что, как бы ни выстраивались зигзаги российской политической жизни, ответственная власть всегда будет ценить качественную аналитику. Предоставление её обществу и власти — основа нашего вклада в российскую юриспруденцию и публичную политику.

Сочетание призвания и профессионализма допускает *очень разные декларации приверженности конституционализму*. Для одних она равноценна этическому императиву в кантовском понимании, для других — картезианским требованиям научной логики, для третьих — является способом преодоления экзистенциального отчуждения и параноидальных фрейдистских страхов перед неведомыми угрозами будущего. Некоторые усматривают в конституционализме рациональный политический компромисс общества и власти, способный реализовать эффективную модель управления в условиях демократии. Есть и те, кто видит в конституционализме своеобразную форму магического реализма, предполагая, что слова имеют значение и определение какого-либо явления как конституционного делает его таковым. Все они, однако, объединены чётким представлением о том, *что должно быть отвергнуто и ни при каких обстоятельствах не может стать руководящими принципами будущего*: отрицание права во

имя утопии; социальная несправедливость, возведённая в закон; попрание прав личности во имя грядущего прогресса человечества; произвол власти, основанный на её бесконтрольности; подмена реальной политики, основанной на честной конкуренции общественных сил и политических партий, демагогией и защитой их эгоистических интересов; отсутствие независимого суда, исключающее справедливое вынесение приговора во имя политической целесообразности момента. Это именно те признаки антиконституционализма, характерные для эпохи коммунистической однопартийной диктатуры, для преодоления которых был создан журнал.

Итак, конституционализм представляет собой идею, текст и основу функционирования современного общества. В зависимости от того, как и в каком объёме будут меняться компоненты этой формулы и их соотношение, изменится и само общество. Направить это движение в русло правового государства — это призвание и профессиональный долг российских конституционалистов.

Библиографическое описание:

Медушевский А. «Сравнительное конституционное обозрение»: журнал на фоне быстро текущего времени // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 13–47. EDN KSGXKV.

“Comparative Constitutional Review”: The journal amid the current of streaming time

Andrey Medushevsky

Co-Chairman of the Editorial Advisory Board, *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*; Doctor of Sciences in Philosophy, Tenured Professor, Faculty of Law, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

Abstract

This article summarizes main facts about the role, development and achievements of the prestigious Russian and international academic journal — “Comparative Constitutional Review” from its creation till 30-th year anniversary in 2023. Coming into life in the period of dramatic transition from Communist dictatorship to democracy in Eastern Europe and Russia, the Journal clearly announced its mission as the promotion of the law based state and civil society in all Post-Socialist countries. The fulfillment of this mission included such priorities as general information of academic community about transforming theoretical basis of comparative legal studies, new practical requirements in constitutional engineering, analysis of the changing legal policy agenda in respective countries, and last but not least, the creation of representative pool of international experts capable to evaluate these trends in value-free reliable manner. In process of development, the Journal passed three main stages — its formation (1993–2003), critical reappraisal (2004–2013) and synthesis (2014 — till now), reflecting the dynamic of constitutionalism — from liberal triumph era to its conservative revision and the current globalization crisis in forms of legal fragmentation, populism and re-invented legal nationalism. Confronting these trends, the Journal’s publication list (up to now more than 150 issues and about 2000 articles) includes scholarly papers on all vital subjects of modern constitutionalism. Among them, global and Post-Soviet legal transformation, constitutional ideology, reforms and contra-reforms, human rights standards and their legal interpretation, parliamentary democracy, federalism and regionalism, elections and political party systems, separation of power modalities, central and local administration, comparative constitutional jurisprudence and many others. The permanent focus of the Journal’s attention is the Russian constitutional order, which become the object of scrutiny analysis of its foundation, development and contradictions in terms of its typology and original characteristics, institutional projection, the impact of constitutional reforms, formal and informal

practices, judicial interpretation in the dynamic of Constitutional Court's decisions. Putting all these trends under academic debate, the Journal played not only the role of just chronicler, but active participant of constitutional transformation providing many reform projects, legal amendments and expert recommendations.

Keywords

constitutionalism; the rule of law; comparative legal studies; Russian Constitution; constitutional jurisprudence; academic community.

Citation

Medushevsky A. (2023) "Srvnritel'noe konstitutsionnoe obozrenie": zhurnal na fone bystro tekushchego vremeni ["Comparative Constitutional Review": The Journal amid the current of streaming time]. *Srvnritel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 32, no. 1, pp. 13–47. (In Russian).

References

- Belyaeva N. Yu. (ed.) (2007) *Konstitutsionnoe razvitie Rossii: zadachi institutsional'nogo proektirovaniya: sbornik nauchnykh statey* [Constitutional development of Russia: tasks of institutional design: collection of scientific articles], Moscow: TEIS. (In Russian).
- Chetvernin V. A. (ed.) (1997) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: problemnyy kommentariy* [The Constitution of the Russian Federation: a problematic commentary], Moscow: TsKI MONF. (In Russian).
- Gagnidze K. G. (ed.) (1998) *Probely v Rossiyskoy Konstitutsii i vozmozhnosti ee sovershenstvovaniya* [Gaps in the Russian Constitution and the possibility of its improvement], Moscow: TsKI MONF. (In Russian).
- (2003) *Izmenenie i konsolidatsiya rynochnogo zakonodatel'stva v kontekste razvitiya konstitutsionnogo stroya i sudebnoy reformy v Rossii: analiticheskiy doklad* [Change and consolidation of market legislation in the context of the development of the constitutional system and judicial reform in Russia: analytical report], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).
- (2010) *Konstitutsionno-pravovye osnovy sobstvennosti i predprinimatel'stva: problemy realizatsii: sbornik dokladov* [Constitutional and legal foundations of property and entrepreneurship: problems of implementation: collection of reports], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki.
- (2004) *Konstitutsionnyy Sud kak garant razdeleniya vlastey: sbornik dokladov* [The Constitutional Court as a guarantor of the separation of powers: a collection of reports], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).
- (1999) *Konstitutsiya kak faktor sotsial'nykh izmeneniy: sbornik dokladov* [Constitution as a factor of social change: a collection of reports], Moscow: TsKI MONF. (In Russian).
- (2005) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii* [The Constitution of the Russian Federation in the decisions of the Constitutional Court of Russia], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (ed.) (2014) *Konstitutsionnye printsipy i puti ikh realizatsii: rossiyskiy kontekst: analiticheskiy doklad* [Constitutional principles and ways of their implementation: Russian context: analytical report], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (ed.) (2014) *Konstitutsionnyy monitoring: kontseptsiya, metodika i itogi ekspertnogo oprosa v Rossii v marte 2013 goda* [Constitutional monitoring: concept, methodology and results of an expert survey in Russia in March 2013], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (ed.) (2022) *Konstitutsionnyy Sud Rossii: osmyslenie opyta* [The Constitutional Court of Russia: understanding the experience], Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (ed.) (2013) *Osnovy konstitutsionnogo stroya Rossii: dvadtsat' let razvitiya* [Fundamentals of the constitutional order of Russia: twenty years of development], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).

- (2000) *Rossiyskiy konstitutsionalizm: politicheskiy rezhim v regional'nom kontekste: Mezhrainal'nyy seminar, Velikiy Novgorod, mart 2000: sbornik dokladov* [Russian constitutionalism: political regime in the regional context: interregional seminar, Veliky Novgorod, March 2000: collection of papers.], Moscow: TsKI MONF. (In Russian).
- Sajó A. (ed.) (2002) *Konstitutsionnye prava v Rossii: dela i resheniya: uchebnoe posobie* [Constitutional rights in Russia: cases and decisions: a study guide], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).
- (2004) *Strana posle kommunizma: gosudarstvennoe upravlenie v novoy Rossii: v 2 tomakh* [Country after communism: public administration in the new Russia: in 2 vols.], Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).